

European Journal of Humanities and Social Sciences

Nº 4 2021

European Journal of Humanities and Social Sciences

Scientific journal

№ 4 2021

ISSN 2414-2344

Editor-in-chief

Maier Erika, Germany, Doctor of Philology

International editorial board

Abdulkasimov Ali, Uzbekistan, Doctor of Geography
Adieva Aynura Abduzhalalovna, Kyrgyzstan, Doctor of Economics
Arabaev Cholponkul Isaevich, Kyrgyzstan, Doctor of Law
Barlybaeva Saule Hatiyatovna, Kazakhstan, Doctor of History
Busch Petra, Austria, Doctor of Economics
Cherniavska Olena, Ukraine, Doctor of Economics
Garagonich Vasily Vasilyevich, Ukraine, Doctor of History
Jansarayeva Rima, Kazakhstan, Doctor of Law
Karabalaeva Gulmira, Kyrgyzstan, Doctor of Education
Kvinikadze Giorgi, Georgia, Doctor of Geographical Sciences
Kiseleva Anna Alexandrovna, Russia, Ph.D. of Political Sciences
Khoutyz Zaur, Russia, Doctor of Economics
Kocherbaeva Aynura Anatolevna, Kyrgyzstan, Doctor of Economics
Konstantinova Slavka, Bulgaria, Doctor of History

Lewicka Jolanta, Poland, Doctor of Psychology

Massaro Alessandro, Italy, Doctor of Philosophy

Marianna A. Balasarian, Georgia, Doctor of Philology

Meymanov Bakyt Kattoevich, Kyrgyzstan, Doctor of Economics

Serebryakova Yulia Vadimovna, Russia, Ph.D. of Cultural Science

Shugurov Mark, Russia, Doctor of Philosophical Sciences

Suleymanova Rima, Russia, Doctor of History

Fazekas Alajos, Hungary, Doctor of Law

Proofreading

Kristin Theissen

Cover design

Andreas Vogel

Additional design

Stephan Friedman

Editorial office

Premier Publishing s.r.o. Praha 8
– Karlín, Lyčkovo nám. 508/7, PSČ 18600

E-mail:

pub@ppublishing.org

Homepage:

ppublishing.org

European Journal of Humanities and Social Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Premier Publishing s.r.o. is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the Premier Publishing s.r.o. home page at: <http://www.ppublishing.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the Premier Publishing s.r.o., the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

Premier Publishing s.r.o. is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Included to the open access repositories:

The journal has Index Copernicus Value (ICV) 72.42 for 2018.

The journal has the GIF impact factor .342 for 2019.

© Premier Publishing s.r.o.

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by Premier Publishing s.r.o., Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. History and archeology

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-21-4-3-9>

*Gaidukevich Leonid Mikhailovich,
Doctor of Science (History),
Head of Department of International Tourism
Faculty of International Relations,
Belarusian State University, Minsk, Belarus
E-mail: lgaidukevich@mail.ru*

INTERNATIONAL COOPERATION OF BELARUS IN THE SPHERE OF TOURISM IN THE NEWEST PERIOD OF DEVELOPMENT

Abstract. The article analyzes the international cooperation of the Republic of Belarus in the field of tourism in the period 1990–2020, identifies its forms and tools, shows the dynamics of interstate tourist exchange and outlines the prospects for cooperation of the republic in this area.

Keywords: international cooperation, agreements, tourist flows, neighboring countries, EU, CIS, non-CIS countries, cross-border cooperation, visa-free regime, UNWTO, UNESCO, Euroregions.

*Гайдукевич Леонид Михайлович,
доктор исторических наук,
заведующий кафедрой международного туризма
факультет международных отношений
Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь
E-mail: lgaidukevich@mail.ru*

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО БЕЛАРУСИ В СФЕРЕ ТУРИЗМА В НОВЕЙШИЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье произведен анализ международного сотрудничества Республики Беларусь в сфере туризма в период 1990–2020 годов, выявлены его формы и инструменты, показана динамика межгосударственного туристического обмена и обозначены перспективы сотрудничества республики в данной области.

Ключевые слова: международное сотрудничество, соглашения, туристические потоки, соседние страны, ЕС, СНГ, страны дальнего зарубежья, трансграничное сотрудничество, безвизовый режим, ЮНВТО, ЮНЕСКО, еврорегионы.

Международное сотрудничество Республики Беларусь в сфере туризма в последние два десятилетия начало занимать особое место во внешней политике государства не только в силу ее многовекторности, но и в целях развития сектора услуг и повышения его доли в экспорте страны, налаживании международных гуманитарных связей, повышения ее международного имиджа. Такой подход количественно и качественно изменил въездной туристический поток в страну. Только в 2019 году количество въехавших в страну туристов составило 11,8 млн. человек, превысив этот показатель за 2015 год в 2,7 раза [16, С. 7, 13].

Периодом становления международного туризма в Беларуси можно считать 1990-е гг., когда страна после распада СССР обрела свою независимость и получила возможность формировать и строить самостоятельную национальную политику в области туризма.

Условия, в которых начал развиваться международный туризм в независимой Беларуси, были сложными. К ним можно отнести:

- отсутствие самостоятельного выхода республики на международный туристический рынок;
- низкая конкурентоспособность национального туристического продукта;
- ограниченность контактов с международными туристическими организациями;
- отсутствие в стране учебных заведений для подготовки профессиональных кадров в сфере туризма;
- отсутствие единого координирующего органа в сфере туризма вплоть до середины 1990-х гг. [2, С. 117].

В новейший период в развитии международного туризма в Беларуси можно выделить **три этапа**:

Первый этап (1991–1994 гг.) – на данном этапе сильное влияние на развитие туризма оказали такие факторы, как спад производства, высокая инфляция, снижение уровня жизни на-

селения страны, рост безработицы, сокращение инвестиций и др. В 1991–1992 гг. в сфере туризма начались процессы демонополизации, приватизации и разгосударствления. Многие учреждения отдыха из-за финансовых трудностей были вынуждены закрыться, вместимость других значительно уменьшилась, темпы нового рекреационного строительства были низкими. Из-за падения реальных денежных доходов населения, снизилась возможность совершать туристические поездки.

Второй этап (1995–1999 гг.) – во второй половине 1990-х гг. ВВП на душу населения, как и реальные доходы, начали постепенно увеличиваться. Вместе с этим в стране начали проводиться мероприятия по развитию туризма. Так, в 1995 г. было создано Министерство спорта и туризма, в 1999 г. был принят Закон «О туризме», начали разрабатываться государственные программы развития туризма. В целом, началось восстановление туристической индустрии в стране. В то же время эффективность многих мер была невысокой, в силу отсутствия финансовых ресурсов, слабой координации выполнения программ.

На третьем этапе (**2000–2019 гг.**) – в республике стало больше внимания уделяться развитию въездного туризма, который повысил бы вклад в национальную экономику и способствовал бы решению социальных задач, обеспечивал сохранение историко-культурного наследия. Эта тенденция была закреплена в Национальной программе развития туризма в Республике Беларусь на 2006–2010 гг. Стало больше привлекаться иностранных инвестиций в строительство туристической инфраструктуры, особенно в Минске [8].

В 2000-х гг. число туристов, посетивших Беларусь, и белорусов, выехавших за границу, продолжало расти, хотя объемы выездного туризма все еще превышали объемы въездного. С 2000 по 2010 гг. экспорт по статье «поездки» вырос более чем в 4 раза, импорт – в 2,5 раза. Беларусь посещали, в основном, туристы из Польши, Рос-

сии, Латвии, Великобритании, Германии, Израиля, США, Литвы, Италии и др. [16].

В рассматриваемые периоды большую трудность представляло отсутствие в республике единой методологии сбора и расчета статистических данных. Лишь в 2016 г. впервые был составлен Вспомогательный счет по туризму, рассчитаны въездные и выездные потоки туристов с учетом открытой границы с Россией.

С 2000-х гг. география въездного туризма значительно не изменилась, возросло число туристов из России и одновременно уменьшилось количество туристов из таких стран, как Германия, Израиль, Италия, Латвия, Литва, Великобритания и США. Увеличились выездные потоки белорусских туристов в Болгарию, Египет, Турцию и Грецию, а туристические потоки в Россию, Украину, Польшу, Румынию, Великобританию и Чехию сократились.

В 2015–2019 гг. положительная динамика наблюдалась как в части организованного въездного туризма, так и в общем въезде иностранных гостей в республику. Так, в 2019 г. количество въездных туристических поездок в Республику Беларусь составило 11,8 млн., увеличившись по сравнению с 2015 г. в 2,7 раза (2015 г. – 4,4 млн. поездок). Наибольший удельный вес в структуре организованного въездного туризма занимали туристы из Российской Федерации (53,7% от общего числа туристов), Литвы (18,8%), Польши (15,1%), Латвии (2,6%) и Китая (1,2%).

Число белорусов, путешествующих по миру, также увеличилось. Въездной туристический поток граждан Республики Беларусь в 2019 г. составило 9,2 млн., человек и по сравнению с 2015 г. он вырос в 1,3 раза (2015 г. – 7,0 млн. поездок) [16].

Республика Беларусь проводит многовекторную внешнюю политику и придерживается единых подходов к развитию отношений со всеми зарубежными партнерами. Несмотря на это у Беларуси, как и у всех других государств, имеются приоритетные партнеры, отношения с которыми

она развивает наиболее интенсивно в силу таких факторов, как географическая близость, общность культуры, политическая и экономическая системы, схожие интересы и т.д. Главными партнерами Беларуси являются страны-соседи, страны СНГ и ЕС. В последнее время усилилось сотрудничество с Китаем. Отношения Республики Беларусь с государствами так называемой «дальней дуги» – странами Азии, Африки и Латинской Америки, постепенно переходят на новый уровень развития.

Правовой основой межгосударственного сотрудничества Республики Беларусь в сфере туризма являются заключенные двух- и многосторонние соглашения в области туризма. На данный момент Беларусь уже заключила такие соглашения более чем с 34 странами мира. К ним относятся такие страны, как Азербайджан, Армения, Болгария, Венгрия, Вьетнам, Греция, Грузия, Египет, Израиль, Испания, Иран, Казахстан, Катар, Кипр, Китай и другие страны [7].

Важным направлением сотрудничества в сфере туризма является упрощение туристических формальностей, в том числе визовых. Накануне Чемпионата мира по хоккею 2014 года Беларусь ввела безвизовый въезд по билетам на данное спортивное мероприятие. Впоследствии была продолжена работа по заключению соглашений о взаимном безвизовом режиме с Израилем (ратифицировано в 2015 г., на срок, не превышающий 90 суток), Аргентиной (в 2017 г., на срок до 90 суток), Китаем (в 2018 г., на срок до 30 суток) и др. Эта практика была продолжена [12; 13; 14].

Согласно Указу Президента от 9 января 2017 г. № 8 «Об установлении безвизового порядка въезда и выезда иностранных граждан» и Указу Президента от 24 июля 2018 г. № 295 «Об изменении Указа Президента Республики Беларусь», был установлен безвизовый въезд и выезд иностранных граждан через Национальный аэропорт Минск на срок не более 30 дней для 74 государств. Данный указ и изменение к нему были достаточно

эффективными, так как в последующие годы наблюдалось увеличение потока туристов из государств, которые ранее были представлены незначительно (например, из Китая, Великобритании, ОАЭ, Ирака, Турции и др.) [7].

Республика Беларусь развивает тесное трансграничное сотрудничество, в том числе в сфере туризма, с **Польшей**. По состоянию на 1 августа 2019 г. было подписано 86 соглашений о партнерстве и сотрудничестве между разными городами и регионами Беларуси и Польши [9].

Указами Президента Республики Беларусь «Об установлении безвизового порядка въезда и выезда иностранных граждан» № 115 от 9 марта 2015 г. и «Об установлении безвизового порядка въезда и выезда иностранных граждан» № 318 от 23 августа 2016 г., был введен безвизовый режим на территории Национального парка «Беловежская пуща» (срок пребывания – до 3 суток) и на территории Августовского канала, города Гродно и пяти прилегающих к ним сельских советов из состава Гродненского района (срок пребывания – до 3 суток) [5].

Для повышения эффективности использования объектов туристической инфраструктуры и дальнейшего развития трансграничного туризма, согласно Указу Президента от 7 августа 2019 г. № 300 «Об установлении безвизового порядка въезда и выезда иностранных граждан», был установлен безвизовый въезд и выезд для граждан 73 государств на срок до 15 суток для посещения безвизовой территории «Брест – Гродно», а также территорий районов Брестской и Гродненской областей, при групповом туристическом посещении через определенные пункты пропуска [9].

Благодаря этим законодательным актам значительно увеличилось число иностранных туристов в этих регионах страны. В 2019 г. доли числа иностранных туристов и экскурсантов, посетивших Гродненскую (30,9% от общего количества иностранных туристов и экскурсантов) и Брестскую области (26,1%) существенно превысили доли других областей, а показатели по Гродненской

области даже превзошли показатели по г. Минску [5, С. 10].

8 января 2020 г. между Республикой Беларусь и ЕС были подписаны Соглашения об упрощении выдачи виз и Соглашения о реадмиссии лиц, пребывающих без разрешения, которые вступили в силу 1 июля 2020 года. По первому из этих соглашений, визовый сбор для белорусов снижен до 35 евро, а также снизился максимальный размер сбора за обслуживание (взимаемый визовыми центрами) и срок, в который консульства принимали решение о выдаче визы. Срок действия виз увеличился до 5 лет [21]. Заключение данного соглашения стимулировало развитие туристического обмена между Беларусью и странами ЕС, однако ввиду введенных Европейским Союзом односторонних санкций в отношении Беларуси в июне 2021 года, последняя, приостановила действие данного соглашения.

Республика Беларусь активно реализует с Латвией, Литвой, Польшей и Украиной проект **Трансграничного сотрудничества (ТГС)**, который является одним из ключевых приоритетов *Европейского инструмента соседства (ЕИС)* [15].

Сотрудничество Беларуси со странами-соседями проходит и в рамках еврорегионов. Отдельные территории Беларуси входят в состав 5 еврорегионов: «Днепр» (вместе с Россией и Украиной), «Буг» (вместе с Польшей и Украиной), «Беловежская пуща» (вместе с Польшей), «Неман» (вместе с Польшей и Литвой) и «Озерный край» (вместе с Литвой и Латвией). В рамках этих еврорегионов реализуются проекты, направленные на разработку туристических маршрутов, улучшение туристической инфраструктуры, развитие предпринимательства в сфере туризма, охрану окружающей среды и др. Однако деятельность в рамках данного проекта носит ограниченный характер [3].

После распада СССР было сформировано интеграционное объединение – **Содружество Независимых Государств**, в которое вошло большинство бывших государств СССР. Сотрудничество

Республики Беларусь в сфере туризма со странами постсоветского пространства осуществляется в основном в рамках Соглашения о сотрудничестве в области туризма между странами СНГ от 23 октября 1993 г. и «призвано способствовать укреплению взаимопонимания между народами, гражданского согласия, утверждению общечеловеческих ценностей» [11].

В целях реализации данного Соглашения 30 мая 2012 г. был создан **Совет по туризму государств – участников Содружества Независимых Государств** для координации сотрудничества между странами. Советом был инициирован к принятию высшими органами СНГ ряд документов: объявление 2014 года Годом туризма в СНГ; создание стратегии развития сотрудничества государств-членов СНГ в области туризма, меры в сфере туризма по преодолению последствий пандемии Covid-19. Однако туристические потоки, как въездные, так и выездные из **стран СНГ** относительно небольшие, за исключением таких стран, как Российская Федерация, Украина и Казахстан [6].

Республика Беларусь постепенно расширяет туристический обмен со странами дальнего зарубежья, что является следствием активно проводимой многовекторной политики сотрудничества.

Республика Беларусь реализует международное сотрудничество в сфере туризма не только с государствами, но также и с международными организациями, членами которых она является. Многосторонняя дипломатия – это важное направление внешнеполитической деятельности страны. 4 мая 2005 г. Беларусь стала действительным членом Всемирной туристской организации (ЮНВТО) – специализированного учреждения ООН, ведущей международной организации в сфере туризма. За этот период ЮНВТО в рамках технического сотрудничества осуществила в Беларуси 3 миссии:

- 1997 г. – Выявление потребностей Беларуси в технической помощи ЮНВТО;
- 2015 г. – Улучшение качества статистики в сфере туризма посредством внедрения

Вспомогательного счета туризма (Tourism Satellite Account (TSA));

- 2015 г. – Пересмотр Национального закона о туризме.

Беларусью была получена консультативная помощь экспертов ЮНВТО по подготовке Национальной стратегии развития туризма в Республике Беларусь до 2035 года [17].

В 2020 г. по инициативе руководства ЮНВТО кандидатура от Беларуси была представлена для включения в Комитет по разработке Международного кодекса защиты туристов [1].

Республика Беларусь активно сотрудничает с ЮНЕСКО. В Список Всемирного наследия ЮНЕСКО внесено по 4 объекта материального и нематериального культурного наследия в Беларуси. Во Всемирную сеть биосферных резерватов включены 3 белорусских биосферных резервата. В республике действуют 7 кафедр, 18 Ассоциированных школ и 58 клубов ЮНЕСКО [34]. В 2012–2013 гг. кафедрой международного туризма Белорусского государственного университета был реализован проект ЮНЕСКО «Участие студенческого сообщества в сохранении и использовании культурного наследия для содействия культуре мира и устойчивому развитию» [5].

Выводы

Однако несмотря на значительные успехи в развитии туризма существует ряд сдерживающих факторов, которые мешают получению большего эффекта от международного сотрудничества в сфере туризма. К ним относятся:

- длительные задержки автотранспорта на государственной границе Беларуси с Польшей и Литвой, что затрудняет путешествия на личном автотранспорте;
- недостаточно усилий предпринимают белорусские туроператоры для налаживания эффективного сотрудничества с партнерами из Германии, Бельгии, Швеции, Польши, Чехии, Венгрии, Черногории;

- требует развития электронный маркетинг туристических дестинаций Беларуси;
- наличие двойных стандартов по отношению к Беларуси со стороны руководства ЕС после событий в республике в августе 2020 года;
- постпандемийная неустойчивость сотрудничества государств в области туризма в 2019–2021 годах.

Список литературы:

1. Gajdukevich L. M. Razvitie mezhdunarodnogo turizma v stranah Central'noj i Vostochnoj Evropy: ucheb.-prakt. posobie / L. M. Gajdukevich. – Minsk: BGEU, 2007. – 182 s.
2. Donskih S. V. Vliyanie bezvizovogo rezhima na razvitie v"ezdnoogo turizma na territorii Avgustovskogo kanala i goroda Grodno [Elektronnyj resurs] / S. V. Donskih, S. E. Vitun // Problemy sovremennoj ekonomiki: global'nyj, nacional'nyj i regional'nyj kontekst: sbornik nauchnyh statej. V 2 ch. Ch. 2; gl. red. M. E. Karpickaya; red. kol.: M. E. Karpickaya [i dr.]. – Grodno: GrGU im. Yanki Kupaly, 2017. – S. 198–208. – Rezhim dostupa: URL: <https://elib.grsu.by/doc/opened/605093pdf.pdf/> – Data dostupa: 25.11.2020.
3. Evroregiony Belarusi – Glavnaya [Elektronnyj resurs] // Belorusskie evroregiony. – Rezhim dostupa: URL: <http://www.beleuroregion.by/ru/glavnaya/> – Data dostupa: 05.11.2020.
4. Kak Belarus' razvivaet turizm i kak Evropejskij soyuz etomu sodejstvuet. [Elektronnyj resurs] // EU Neighbours east. – Rezhim dostupa: URL: <https://www.euneighbours.eu/ru/east/eu-in-action/stories/kak-belarus-razvivaet-turizm-i-kak-evropeiskii-souz-etomu-sodeistvuet/> – Data dostupa: 06.04.2021.
5. Organizaciya Ob"edinennyh Nacij po voprosam obrazovaniya, nauki i kul'tury. [Elektronnyj resurs] // Ministerstvo inostrannyh del Respubliki Belarus'. – Rezhim dostupa: URL: <https://mfa.gov.by/multilateral/organization/list/c19b57054d08fed8.html/> – Data dostupa: 10.04.2021.
6. Pasport Soveta po turizmu gosudarstv – uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://e-cis.info/cooperation/3204/82743/> – Data dostupa: 03.04.2021.
7. Podpisannye soglasheniya Respubliki Belarusi o sotrudnichestve v oblasti turizma // Tekushchij arhiv Departamenta po turizmu Ministerstva sporta i turizma Respubliki Belarus'. – Minsk, 2019. – 1 s.
8. Poleshchuk N. I. Geografiya i dinamika turistskih potokov v Respublike Belarus' (2000–2008 gg.) [Elektronnyj resurs] / N. I. Poleshchuk // «Belarus' v sovremennom mire»: materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Minsk, 30 oktyabrya 2009 g. / BGU. – Minsk, 2009. – S. 214–216. – Rezhim dostupa: URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/20175/1/poleschuk_BMW_2009.pdf/ – Data dostupa: 29.03.2021.
9. Regiyanal'nae supracoynitva [Elektronnyj resurs] // Pasol'stva Respubliki Belarus' u Respublicy Pol'shcha. – Rezhim dostupa: URL: http://poland.mfa.gov.by/be/bilateral_relations/belarusiny/region/ – Data dostupa: 05.11.2020.
10. S 1 iyulya vstupaet v silu soglashenie ob uproshchenii vizovogo rezhima mezhdru Belarus'yu i ES [Elektronnyj resurs] // Nacional'nyj pravovoj Internet-portal Respubliki Belarus'. – Rezhim dostupa: URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2020/july/52248/> – Data dostupa: 06.04.2021.

11. Soglashenie mezhdu Pravitel'stvami gosudarstv-uchastnikov SNG o sotrudnichestve v oblasti turizma. [Elektronnyj resurs]: zaklyucheno v g. Ashgabate 23.12.1993 g. // Internet-portal SNG / Ispolnitel'nyj komitet SNG.– Rezhim dostupa: URL: <http://cis.minsk.by/page/7668/>– Data dostupa: 29.10.2020.
12. Soglashenie mezhdu Pravitel'stvom Respubliki Belarus' i Pravitel'stvom Gosudarstva Izrail' ob otmene viz dlya vladel'cev nacional'nyh pasportov. [Elektronnyj resurs]: soversheno v g. Minske 19.09.2014 g. // Nacional'nyj pravovoj Internet-portal Respubliki Belarus'.– Rezhim dostupa: URL: <https://www.pravo.by/document/?guid=12551&p0=I01400035&p1=1/>– Data dostupa: 07.11.2020.
13. Soglashenie mezhdu Pravitel'stvom Respubliki Belarus' i Pravitel'stvom Argentinskoj Respubliki o vzaimnyh bezvizovyh poezdках grazhdan. [Elektronnyj resurs]: podpisano v g. Minske 24.10.2016 g. // Nacional'nyj pravovoj Internet-portal Respubliki Belarus'.– Rezhim dostupa: URL: https://pravo.by/upload/docs/op/I01600069_1492203600.pdf/– Data dostupa: 07.11.2020.
14. Soglashenie mezhdu Pravitel'stvom Respubliki Belarus' i Pravitel'stvom Kitajskoj Narodnoj Respubliki o vzaimnom bezvizovom rezhime dlya vladel'cev obychnyh pasportov. [Elektronnyj resurs]: soversheno v g. Cindao 10.06.2018 g. // Nacional'nyj pravovoj Internet-portal Respubliki Belarus'.– Rezhim dostupa: URL: https://pravo.by/upload/docs/op/I01800037_1530392400.pdf/– Data dostupa: 07.11.2020.
15. Transgranichnoe sotrudnichestvo (TGS) [Elektronnyj resurs] // EU NEIGHBOURS east.– Rezhim dostupa: URL: <https://www.euneighbours.eu/ru/east/eu-in-action/projects/transgranichnoe-sotrudnichestvo-tg/>– Data dostupa: 04.11.2020.
16. Turizm i turisticheckie resursy v Respublike Belarus', 2020. [Elektronnyj resurs]: stat. sb.– Minsk: Nac. stat. Komitet Resp. Belarus', 2020.– 30 s.– Rezhim dostupa: URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/a06/a06b90126c68f9c8af149e61bd29a283.pdf/>– Data dostupa: 04.11.2020.
17. Technical Cooperation | UNWTO. [Elektronnyj resurs] // The World Tourism Organization (UNWTO).– Rezhim dostupa: URL: <https://www.unwto.org/technical-cooperation#pills-BTEUR/>– Data dostupa: 10.04.2021.

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-21-4-10-13>

*Emirjana Fili,
MSc in History, the Faculty of History
University of Tirana, Tirane, Albania
E-mail: emirjana_fili@ahoo.com*

STATE FEATURES OF PASHALIC OF IOANNINA

Abstract. One of the events that echoed in the Ottoman Empire was the foundation of Pashalic of Ioannina, where the ruler of the Pashalic's dominant aim to establish an Albanian state detached from the dependence of the Great Gate is revealed.

Ali Pashe Tepelena's aspiration to lay the foundations of a state within the Ottoman Empire was remarkably great, which is perspicuously discerned in several events where he became involved, in numerous areas, where there was a progressive flow and achievements in economy, culture, construction, agriculture, diplomacy, martial arts, etc.

Pasha of Ioannina set up a centralized state apparatus. He put in order the administration, armed forces, diplomatic corps, the judiciary, and so on and so forth.

Keywords: Pashalic of Ioannina, Ali Pasha Tepelena, state, administrative system, judicial system, etc.

State features of Pashalic of Ioannina

Since many decades, there was a heterogeneous population in Ioannina, where there was scarcely any order, or any discipline, but a great deal of robbery and ample violence. Thus, it goes without saying that in this city a brave and audacious man had to lay hands, in order for him to establish a state concentrating all power in his hands, whip into shape the order in the country. It had become crystal-clear that only one was befitting, Ali [1, 31].

Since his principal aim was to lay the foundations of an Albanian state detached from the dependence of the High Gate, pasha of Ioannina began to set up a centralized state apparatus. He put in order the administration, the armed forces, the diplomatic corps, the judicial system, etc. All these were commanded by him through his sons and grandsons and trusted people, such a way of governing was not the same throughout the High Gate [2, 77].

In spite of the fact that Ottoman legislation forbade Greek Christians from working in the Ottoman state administration, unlike other pashas, pasha of Ioannina proceeded distinctively in this case. On the one

hand, he entrusted many positions in his administration to Greek Christians and on the other hand, he entrusted high military positions to Albanians.

At the head of the governing apparatus stood Ali Pasha himself, who owned legislative and executive powers. The whole administration, the army and courts depended on him, not resembling other pashas. The judicial organization occupied a place of paramount importance in the state apparatus of Ali Pasha Tepelena. In any city and province, trials chaired by qadis were held, as well as throughout the entire Ottoman Empire [3, 97]. He himself awaited for the inhabitants of his proprietorship, gave ear to their complaints, and immediately used to render an unappealable decision. They preferred to be judged by him rather than by others, as they were convinced that no one better than the pasha himself knew the local customs, traditions and social circumstances. Ali knew almost all the names and physiognomies of even his youngest officials, beys, merchants, clergy, no matter how far from Ioannina they were. In Ali's state it was the qadis, bishops and elders who judged and condemned, whilst he himself, the vizier, was

the chief judge, who decided only on certain types of criminal decisions [1, 87].

In comparison to other pashalics' trials, where the Shariah was the legal basis, Ali himself, in some cases altered it by taking into account the decisions he promulgated, customary law and local canons. In addition, another Greek author found the idea that Ali introduced other principles in these trials, for instance equality and justice for all citizens before the law [4, 76].

At Ali's state, there was a justice of higher quality, were we to compare it with the justice of other pashalics. Even in the modern Greek encyclopedia "Eleftherudhaqi", It is stated that Ali, contrary to Turkish legislation, dissimilar to other pashas, introduced the principles of European legislation. For instance, equality between citizens, regardless of whether they were Muslims or Christians [5, 11]. Another feature worth mentioning was that court decisions were promulgated in Ioannina rather than Istanbul.

In Ali's state, Turkish law applied regarding matters pertaining to real estate, trade, and property, while in other criminal matters, Ali took decisions as a senior head of the judiciary. His statements were in the form of ordinances and decisions. He made his own laws and judged by himself as well [6, 347].

On this account, It comes to light that Ali Pasha, after absorbing power he neither overthrew the judicial regime that was in power already, nor did he abolish any of the privileges of Christians. He displayed a remarkable interest in curbing the corruption of Turkish judges, dealing personally with trials and being seriously concerned about the matter of justice [7, 205].

Ali himself was often present when he heard the denunciations of his citizens. Each one entered by himself, kissed the end of the vizier's suit, then made his complaint, after the vizier listened to it, made a fast and final decision considering, above all, he was a supreme judge, judging not only according to written laws, but in a special way to reveal the truth [4, 100]. Therefore, it turns out that Ali stands for not only

the legislative body, accounting that he himself partly compiled laws, but he was also the head of the executive body, judging decisively and irrevocably. On the flip side, he did not authorize to completely demolish the Turkish legislation and as some Greek authors provide, on grounds not too thoroughly part ways with the High Gate [8, 83].

He was occasionally interested in maintaining regular ties with the central government.

Furthermore, Ali was prudent regarding the organization of finances, where he was influenced by the Turkish financial organization, thus It may be concluded that he collected the exact same taxes that were collected throughout the Empire, such as the taxes of merchants, feudal lords, etc. On the process of developing trade or even the economy, one may not leave without mentioning the way in which profits were taxed in the Pashalic of Ali Pasha Tepelena. Taxes were paid only by the wealthy, whilst the poor enjoyed tax-exempt status [6, 345]. According to an economist, the new legislators were the ones taxed, there were taxes on production, taxes on the value of real estate, construction taxes and many more, which aimed to tax those owning deep pockets, those who produced for for the sake of state services [9, 160]. As a result, especially compared to other Pashalics, Ali managed to own a large fortune by increasing the income from confiscations, which he acquired from many well-to-do ruler, gifts, fines, the appropriation of property without heirs, etc. [7, 185].

Regarding the sale made to a property, under no condition would it be legitimate, if one-tenth of its value had not been paid in advance. The taxes that Ali collected were high for landowners, even those who were indirectly controlled by Ali, had to pay a kind of tribute, so as not to be attacked by him himself.

Consequently, it is evident that indeed during the time of Ali, heavy taxes were levied, yet it is accepted by most scholars that such taxes were levied on the wealthy, the beys, the great landowners, the wealthy inhabitants of villages etc. If during these time in France or Britain taxes were levied endlessly at the

expense of all citizens, in the pashalic of Ioannina some of the taxes levied were:

- 1) customs tax;
- 2) Qadi's tip;
- 3) shop rent.
- 4) taxes sent by the viceroy of Rumelia's ruler, etc. [4, 69].

To a certain extent, by expropriating the Turkish beys, Ali managed to set up a new social organization, which at this time was not typical of other Balkan countries and wherein Ali would stand out for such undertaking. All those old social categories of property, which had been inherited from the backwardness of Ottoman Empire, were substituted by new elements, by means of which, the union of people pertaining to a certain territory, certain laws and governed by a single person.

As a vital force of his power, he paid salaries to his army. The vast majority of soldiers were from the southern part of Albania. In addition to the role of guarding the gorges, the Greek units, known as *smartolos*, also took part. During recent years, mercenaries from northern Albania, especially from Mirdita, had begun to be recruited. And what was outstanding, in comparison to other Pashalics, Ali paid duly soldiers' salaries [2, 75]. He carried an army of about 20,000 soldiers, equipped with field and mountain artillery with over 40,000 cannons of various types and a cavalry of 5,000 men. He had built a foundry and gunpowder factory near Ioannina. Besides ground forces, there were naval forces as well [5, 15].

To organize his army, according to the European model, he used British and French specialists, particularly in the engineering and artillery departments, but also established a military school and organized an army exceptionally different from the army of the Ottoman Empire. Word had spread up to France and Britain that Ali Pasha had not only set up his structured army, but had also created a modern army according to the European model [8, 76].

Ali in his possessions, sorted out a secret police force, which until this period has been unknown to

the rest of pashas who were part of the Ottoman Empire. Such police force served to ensure the life of the individual, carefully monitors the behavior and attitudes of citizens and reports them to the pasha, by means of documents, but also decides on their further actions [1, 72].

Most of all, Ali's police force was a qualified police force, function-wise, in terms of the tasks it performed, it was a vigilant police unit. This police force was charged the duty to make a public security, pursuing criminals, not only within the principality but also in the great countries. It penetrated into the private lives of the inhabitants, but peculiarly it supervised the foreigners, in order to discover any step they undertook. The police network and espionage system set up by Ali served to uncover any charges against him, nearby the sultan [4, 88].

This state with such features and with a state organization, varying immensely from the Turkish state, and bizarre for its time and conditions, lived for a period of more than a quarter of a century.

If the need arises, after all that is stated to scrutinize such a complex figure, we shall find it easier to understand the intention of Ali Pasha Tepelena to secede from the Ottoman Empire is clear-cut. Perhaps taking advantage of the wars and contradictions that this Empire had with the Great Powers, perhaps also taking advantage of the changes that were taking place in Western Europe, Ali as an output of the time where he lived and ruled, managed to expand and strengthen his Pashalic and little by little detach him from the dependence of the politics of the Great Gate.

He transformed the Pashalic of Ioannina into a model state, from which one could take the example of all the other eastern pashalics, who continued to follow the path and orientation of antiquity and Ottoman obscurantism. Ali was an innovative man, and such a feature is evident in the changes he undertook in numerous areas and innovations he put forward. He turned into a chief judge who ordered and conducted the trials himself, there were no theocratic

principles where only the Muhammadan faith must be respected and honored above all, he was forbearing and in no case was humiliation on basis of religious belief observed.

He established a secret police force, in order to get a better command of the territory plus an espionage system where he could defend himself well as soon as possible from his enemies, before they proceeded to attack him. As far as the army is concerned, he liberalized it to a great extent owing to the fact that the ranks of this army included the Chams and minorities as well. He was fair and unerring regarding sal-

ary payments, constructed an army according to the European model with new and advanced armaments excluding outworn and outdated ones, by means of which the Empire was still fighting. Notwithstanding there were plenty of defeats and upheavals, he boldly moved forward, with the vision to reach the shores of the western world, making him stand out from the other Balkan pashas or monarchs.

He made all his moves at the right time, neatly and cunningly, via dynamism and civilization, with courage and perseverance.

References:

1. Ziakos Nikos. *I antistasi stin Sulion*,– Athina. 1964.
2. Lambrides Iani. *Epeiriotika Istorika Meletemata*,– Athina. 1887.
3. Evangelidhes Trifoni. *Istoria Ali pasa tou Tepelenli, satrapo tes Epirou*,– Athina. 1896.
4. Zotos Dhimitri. *I dhiqeosini is to kratos tu Ali Pasa*,– Athina. 1938.
5. *Modern Greek Encyclopedi. Ali Tepelenli*, (Archive of Institute of Albania Studies) translation, fund AIII- 480. 1962.
6. Aravantinos Spiro. *Istoria Ali pasa tou Tepelenli*,– Athina. 1895.
7. Gatos Georgios. *Istoria tou Ianinon*,– Athina. 1965.
8. Tasos Vurnas. *Ali Pasas Tepelenlis Tyrannos i idhiophys politicos?* – Tiranë: GERVIS. 2003.
9. Andreades Andre. *Ali Pacha de Tepelin, ekonomiste et financier*, Paris: *Revue des Etudes Grecques*. 1912.

Section 2. Literatura

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-21-4-14-17>

*Mikhalevich Iryna Alexandrovna,
PhD student, Janka Kupala State University of Grodno, Belarus
E-mail: irkahudoba@mail.ru*

THE SPECIFICS OF MODERNIST PROSE OF THE TWENTIETH CENTURY (ON THE EXAMPLE OF THE NOVELS OF S. I. VITKEVICH)

Abstract. This article is devoted to the analysis of “narrative transformations” in the novels of the Polish writer of the first half of the twentieth century, S. I. Vitkevich. Special attention is paid to the distinctive features of modernism as a literary trend, namely: the way of narration, compositional construction and experiments with linguistic means in S. I. Vitkevich’s prose.

Keywords: S. I. Vitkevich, modernism, “narrative transformations”, “stream of consciousness”, openness of compositional construction.

*Михалевич Ирина Александровна,
аспирант, Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, Беларусь
E-mail: irkahudoba@mail.ru*

СПЕЦИФИКА МОДЕРНИСТСКОЙ ПРОЗЫ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНОВ С. И. ВИТКЕВИЧА)

Аннотация. Данная статья посвящена анализу «нарративных трансформаций» в романах польского писателя первой половины XX века С. И. Виткевича. Уделяется особое внимание отличительным чертам модернизма как литературного направления, а именно: способу повествования, композиционному построению и экспериментам с языковыми средствами в прозе С. И. Виткевича.

Ключевые слова: С. И. Виткевич, модернизм, «нарративные трансформации», «поток сознания», открытость композиционного построения.

Модернизм как наиболее поздняя из парадигм неклассической художественности возник в конце XIX – начале XX века как, согласно мнению М. М. Бахтина, порождение «кризиса автор-

ства», характеризующееся поиском новых форм художественных произведений [1, С. 108].

Эпоха становления модернизма – это время исторических катаклизмов (войн, революций, из-

менений в обществе), которые по мнению модернистов вызваны, в первую очередь, не политическими причинами, а утратой внутренних ценностей. Все это не могло не повлиять на мироощущение писателей-модернистов (Ф. Кафка, Дж. Джойс, М. Пруст, С. И. Виткевич, А. Ахматова и другие), которое с высокой долей уверенности можно назвать трагическим. Как справедливо отметил литературовед В. П. Мещеряков: «мир писателя модерниста – это «страдательный» мир, в котором любая трагедия, будь то революция либо война, это «трагедия личности», «трагедия человеческой души» [6, С. 300].

Изменение мироощущения писателей этого времени неизбежно привело и к так называемым «нарративным трансформациям» в их произведениях. Понятие «нарративные трансформации» введено в обиход профессором славистики В. Шмидтом, который, как и многие литературоведы, называет нарратологией теорию повествования [7, С. 9]. То есть нарративные трансформации – это ни что иное как преобразование (изменение) повествовательных моделей. Особенно ярко проявляется тяготение к такого рода преобразованиям в романной прозе польского писателя Станислава Игнация Виткевича (1885–1939). Остановимся более подробно на отличительных чертах его произведений.

Проза модернизма координально меняет способ повествования, который заключается в оценке значения диалогической и монологической речи в произведении, определении его содержательных акцентов. Романы все больше и больше приобретают философский оттенок, кроме этого, тайны подсознания человека интересуют многих писателей-модернистов. С. И. Виткевич здесь не исключение, его романы с полной уверенностью можно отнести к категории философских, следовательно, очевиден тот факт, что меняется и способ повествования, ведь писателю важно показать не только впечатление, которое было вызвано у героев определенными жизненными фактами, но и причины этого состояния. Для достиже-

ния этих целей Виткевич мастерски применяет новый художественный прием эпохи модернизма «поток сознания» (англ. *Stream of consciousness*), который был введен американским философом У. Джеймсом и заключался в описании духовной жизни героя через отображение в тексте проявлений его психики (воспоминаний, переживаний) [5, С. 114]. Так без вмешательства авторского голоса, писатель выражает внутренний мир героев и раскрывает их истинную сущность, кроме того Виткевич в своих монологах воплощают свое внутреннее состояние, отражая в них весь трагизм эпохи. Сплошным «потоком сознания» выступают размышления главных героев о их предназначении в жизни, о поиске ее смысла, например, так в начале романа рассуждает Генезип Капен о будущем: «<... >Пускай случится все. Я все смогу постичь, победить, сгрызть и переварить: любую скуку и самое большое несчастье <... >» [3, С. 22].

Несмотря на то, что Виткевич преимущественно концентрирует свою нарратацию в монологах, следует также не приуменьшать роль диалога в романах польского писателя. Именно диалог зачастую позволяет озвучить разные точки зрения на проблему и как раз в нем раскрываются конфликтные ситуации. Диалогическая речь в романах С. И. Виткевича выполняет следующие функции: характеризует героев в данный момент повествования, выявляет взаимоотношения персонажей, показывает героев как собрание определенных типов характеров, служит разнообразием нарратации, выражает основную мысль произведения.

Последняя функция наиболее ярко прослеживается в полилоге Зоси, Атаназия и Логойского в романе «Прощание с осенью», где Атаназий выражает главную мысль текста, а именно предчувствие неминуемой катастрофы и жажду изменений:

«<... >Знаешь, что, несмотря на все мое отвращение к будущему, я вождельно жду катастрофы – лишь бы что-нибудь великое, лишь бы не эта лживая мелочность наших дней, не эта

маломасштабность под маской якобы вечных истин <... >» [4, С. 56].

«На том, чем нас теперь кормят, никто долго не протянет, а мы все ждем «великого слова», того, что пишется с большой С – дурные романтические привычки! Это слово умерло как общественное или национальное откровение <... >» [4, С. 57].

Для прозы модернизма характерна открытость композиционного построения, которая проявляется в нарушении порядка частей, их пропуске и открытости финала, а также в отсутствии четкого линейного повествования и фрагментарности текста. К примеру, в романе С. И. Виткевича «Единственный выход» вовсе нет развязки как таковой. Автор лишь описывает, что Марцелий «<... > всадил кинжал по самую рукоятку в Изидора – но куда, куда – никто, ни он, ни жертва, ни даже Суффретка этого не заметили <... >» [2, С. 375]. Суффретка бежит к Изидору, а Марцелий уходит, так и заканчивается роман, не сообщая читателю, жив ли главный герой и что будет дальше. Может потому и нет развязки, чтобы читатель сам домыслил окончание произведения. В этом плане можно говорить о сотворчестве писателя и читателя, так, как только благодаря их слаженной работе получится полноценное прочтение произведения. Однако, наряду с отсутствием развязки, существует и второй тип финала – завершённый, но заставляющий переосмыслить поновому все прочитанное. Такими финалами являются развязки романов «Прощание с осенью» и «Ненасытимость». В первом случае главный герой погибает физически, от выстрела в сердце, во втором романе – духовно, его насильно женят на китоянке и занимается он нелюбимым делом. Казалось бы, концовка очевидна, однако, у читателя возникает больше вопросов, чем ответов: Почему так сложилась жизнь главных героев? Возможен ли иной финал?

Отсутствие четкого линейного повествования проявляется в наличии в текстах ремарок и авторских отступлений. Такого рода способы усложнения композиции встречаются у С. И. Виткевича

во всех его романах. Графически они выделены в тексте разными способами, так в «Ненасытительности» и «Прощании с осенью» С. И. Виткевич именуется свои отступления словом «Информация» либо «Замечание» и обязательно выделяет их абзацем, в романе «Единственный выход» он выражает свои комментарии в скобках неотрывно от текста произведения, при этом такого рода отступления прерывают связный текст и зачастую не имеют к нему никакого отношения. Например: «Слияние было лишено привкуса прежних свободных отношений (в польском языке эротическая лексика столь ужасна, что, видимо, придется совсем перестать писать об этом) – некоего своеобразного смака распушенности <... >» [2, С. 67].

Говоря о «нарративных трансформациях» нельзя не отметить особую роль слова в модернистской прозе. Проза модернизма играет со словом, с его смыслом, с оттенками его значений. Необычное в обычном – вот, о чем говорит проза модернизма. Достаточно вспомнить роман С. И. Виткевича «Единственный выход», где раздвигаются границы восприятия слова и дело здесь не только в наркотических видениях. Материальный мир представляется зыбким, почти хрустальным, готовым разбиться в любую секунду. Проза модернизма больше изображает не саму действительность, а реакцию писателя на изображаемое. Виткевич погружает своего читателя в пучину страстей, эмоций, страданий и исканий, активно используя и гармонично переплетая всевозможные художественные приемы и средства художественной образности. Язык романов С. И. Виткевича весьма разнообразен, пестрит обилием варваризмов, эпитетов, метафор, неологизмов, сравнений и т.д.. С их помощью достигается эффект нестандартности авторского слова, да и само повествование способствует наличию всевозможных тропов и образных средств.

Важно также отметить, что в прозе модернизма повышен интерес к человеку без социального статуса. Внутренний мир человека без прикрас

представлен на суд читателю. Писатели-модернисты с особой убедительностью изображали такие состояния человека, которые ранее стеснялись изображать. Так у С. И. Виткевича повсеместно в романах встречаются интимная и сексуальная проблематика, ранее не допустимые в прозе, а также подробно описываются состояния наркотического опьянения и их последствия.

Таким образом, проведенный анализ позволяет выявить в текстах С. И. Виткевича разноо-

бразные черты модернистской прозы, такие как: преобладание монологической речи над диалогической, частое использование техники «потока сознания», открытость композиционного построения, прерывистость повествования внесюжетными вставками, разнообразие языка романа всевозможными тропами и художественными приемами. Все это позволяет говорить о Виткевиче как о подлинном мастере модернистской прозы первой половины XX столетия.

Список литературы:

1. Bahtin M. M. Voprosy literatury i estetiki. – М.: Hudozhestvennaya literatura, 1975. – 502 s.
2. Vitkevich S. I. Narkotiki. Edinstvennyj vyhod [perevod s pol'skogo Yu. Chajnikova]. – М.: Vahazar: RIPOL klassik, 2006. – 382 s.
3. Vitkevich S. I. Nenasytimost' [perevod s pol'skogo Yu. Chajnikova]. – М.: Vahazar: RIPOL klassik, 2004. – 633 s.
4. Vitkevich S. I. Proshchanie s osen'yu: roman [perevod s pol'skogo Yu. Chajnikova]. – М.: Vahazar: RIPOL klassik, 2006. – 460 s.
5. Dzhejms V. Nauchnye osnovy psihologii [russkij perevod L. E. Obolenskogo]. – SPb.: Peterburgskaya elektropechatnya, 1902. – 370 s.
6. Meshcheryakov V. P. Osnovy literaturovedeniya. – М.: Drofa, 2003. – 416 s.
7. Shmid B. Narratologiya. – М.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2003. – 312 s.

Section 3. Pedagogy

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-21-4-18-26>

*Stoykov Anton Penchev,
Associate Professor, PhD
Trakia University Stara Zagora, Bulgaria
E-mail: stoykov70@abv.b*

ABOUT THE CREATIVE POTENTIAL OF THE STUDENTS TO BECOME TEACHERS

Abstract. This article deals with the issue related to development of the creative potential of the students to become teachers as a requirement for their successful career. On the basis of the performed theoretical analysis and the empirical research study conducted, an attempt has been made to put forward recommendations with regard to the inclusion of new methods and forms in the educational process focused on promoting this development.

Analyzed are the results obtained from the conducted empirical study covering the overall score for development of the creative potential of the students from the Master's programme *Preschool and Primary School Pedagogy*, as well as the evaluation of the individual indicators describing it.

Keywords: creative potential, become teachers, educational process.

Introduction

Nowadays, every aspect of our society is strongly influenced by constant changes and innovations, including education. Therefore, the universities preparing students for the teaching profession, face the important task to develop in the future teachers such attitudes and skills so that the students are adequately prepared for their career in this dynamic environment.

Most of all, this requires the students' formation as "personalities of a new type", capable of creative perception and comprehension of the knowledge acquired, generation and realization of innovative ideas, quick and adequate adaptation to the conditions of the changing educational settings, resulting in the formation of a creative attitude towards their future career and their development as creative personalities.

One of the most important characteristics of the creative personality is the high level of creative potential. In this sense, developing the creative potential of the students-future teachers is a topical educational and social issue which the university teaching process has to consider.

The process of formation of the student's creative personality should be steered towards manifestation and improvement of his/her creative capacities and their transformation into stable and enduring personality characteristics.

In human life, manifestations of creativity can be found in benefiting from the individual's past experience in new situations and settings. G. Piriyov believes that "creativity is a specific human activity by which manifested are the individual's abilities and other qualities to the highest and optimum degree

associated with the creation (perception) of works which stand out with novelty and originality, and are of importance for the individual but also for the development of society" [5, P. 6].

A. Berikkhanova, Zh. Zhussupova G. Berikkhanova indicate that the "note that essentially the profession of teacher is of creative nature by itself because the object of pedagogue's activity is an integral pedagogic process focused on a group of original personalities each one of those having individual temper and unique path of development. Continued change of group members, variability of children mentality and of their psychological and emotional state, diversity and unpredictability of interpersonal relations during educational process require teacher to possess occupational mobility, flexibility and creativity" [12, P. 1143].

At the same time, however, according to Asya Veleva, "many teachers do not receive professional training to teach creatively since they are taught mostly subject-specific knowledge but not a general understanding of the concept of creativity" [18, P. 4].

Development of the creative potential of the students to become teachers is in the first place determined by the creative nature of the teaching process. It can be reasonably assumed that creativity is one of the most important characteristics of the teacher's profession. In the opinion of Stoyanka Zhekova, the various aspects of the teacher's profession, i.e. planning and realization of the teaching and upbringing process, the process of interacting with children, colleagues, parents, society, guiding the individual's personality and motivational sphere towards creative expression, professional development and self-improvement are made meaningful by the choice of non-standard solutions and approaches [1].

Hence, among the most important tasks which the universities training future teachers is the formation of personalities of a new type, capable of creative perception and comprehension of the knowledge they acquire, able to generate and realize innovative and effective ideas in the pedagogical practice but also having a creative attitude towards their job.

The solution of these tasks requires finding new methods and forms focused on developing the creative potential of the students-future teachers within the university education.

According to A. Ranjan and L. Gabora despite the potentially threatening aspects of encouraging creative classrooms, we believe that no other investment in education could be more important and potentially rewarding. Both the words student and the word creativity often go hand-in-hand with the word potential, i.e., student potential and creative potential. The phrase creative potential is generally used to refer to how likely a given individual is to manifest creative works in the future, as assessed by their scores on various creativity "tests" [13].

Theoretical framework / Literature Review

Creative potential can be seen as a complex structure comprised of a whole set of skills, personal qualities and the characteristics of the individual's emotional-volitional sphere.

According to B. Barbot, M. Bezancon, T. Lubart the "analytic" approach to the evaluation of creative potential combines the assessment of individuals' characteristics and task parameters to identify the specific set of abilities, knowledge, and traits involved in a particular activity, and the relative weights of these different resources needed to yield highly creative outcomes [11].

M. Komarova points out the following components of the creative potential: *intellectual* – guaranteeing realization of the intellectual skills in the process of overcoming career challenges; *motivational* – encouraging the specialist for self-development and self-realization; *communicative* – generating pre-conditions for the individual's self-actualization in the process of communication; and the *creative self* [3].

A critical assumption is that everyone has creative potential. Creativity is not only characteristic of eminent geniuses nor even only of productive professionals. This follows from the notion that creative potential is a part of the basic human tendency to construct (personal) interpretations and assimilate

information as we experience it. Everyone does that, and sometimes we can use these interpretive capacities to construct original insights. These may remain personal and simply help the individual to understand or appreciate his or her experience, or they may be shared, applied, elaborated and so on, in which case they may eventually become an objectively creative product or performance [17]. According to Maciej Karwowski “although potential, usually defined as the promise of creative achievement in the future, is of special interest to teachers, parents and scholars, it need not to be dichotomously separated from creative achievement – for educators and educational psychologists it is interesting and worthwhile to study it in its own right” [14, P. 5].

Drawing the attention to creative potential and its evaluation, Todd Lubart, Baptiste Barbot and Franck Zenasni point out that „creative potential remains latent until it is called into play in a task. At this point, through the application of an individual’s resources during the creative process, a production (idea, work) occurs. Here, the creative process refers to a sequence of thoughts and actions. Based on more than a century of work, the process can be conceived in terms of divergent-exploratory actions, which are extensive or expansive, and convergent-integrative actions, which are intensive and bring focus. These two “modes” occur in cycles, and various facets of the cognitive, conative, and environmental factors come together in these processes. Over time, the creative process leads to a production, which can be evaluated (by the creator, [him or herself], and by the creator’s “social group”, and appreciated as a more or less creative output. This output can be called a creative accomplishment, if it is deemed sufficiently original and context appropriate. By inference, the creative potential of the production’s author can be inferred [15, P. 42].

Analyzing the definitions of creative potential proposed by various scientists, S. Shteglova defines it as “an overall, integral and innate human characteristics mirroring the relationship, focus and activation of all the individual’s resources as well as the indi-

vidual’s creative abilities. Creative potential reflects the integrity of the innate and social aspects in each individual and the development of these aspects in the social life activity settings [10, P. 88].

E. Ogorodnikova sees the students’ creative potential as a creative self-realization manifested in their future career. She points out the creative individuality, intellectual and emotional maturity and the creative experience as criteria for its development [4].

Discovering the individual’s inner creative potential and its development in the students to become teachers is associated with the creative nature of their future job. According to many authors, pedagogical creativity is one of the most important and essential professional qualities of the teacher’s personality.

In this regard, the university educational process has to find a solution also to the following problems: ensure possibilities for implementation of the students’ creative activities in connection with the development of their creative potential; improve their personal motivation for its development; and create suitable conditions for this development.

A. Knyazeva points out the following principles which the development of the students’ creative potential should consider:

1. Humanization: this principle suggests integration of the socio-cultural, professional and general cultural development of the student’s creative potential.

2. Integrativity: This principle is associated with the inclusion of the mechanisms for improving the students’ motivation and an individual approach towards them in all kinds of activities. In this case, integrativity serves as a criterion for the integrity of the process of development of the students’ creative potential by the integrity of the educational content, the relationship between the individual disciplines and the uniform requirements towards the students.

3. Subjectness: It suggests realizing the significance of the active development of the students’ creative potential by all the participants in the educational process.

4. Productivity: it includes steering the development of the students' creative potential towards digesting knowledge and towards the creation of a real, concrete and original product of their own [2].

A special attention in development of creative potential of future teachers should be paid to considerate comprehension of teaching subject and skillful management of academic activity of students as well as encouragement of their motivation to learn. The process involves orientation of students in the ways of achieving successful results and developing skills of self-actualization and self-realization. An aspiration to succeed professionally is an intensive stimulus for students to cultivate their abilities, to conduct their self-fulfillment and self-improvement effectively; hence unsuccessful efforts could lead to unproductive activity. A theoretical analysis of problem of the development of creative potential among future teachers has led us to a conclusion that a successful academic activity of students depends on a teacher's creative activity rate" [12, P. 1143].

Teachers these days should create conditions for the formation of creative potential as part of the educational process, they should increase the students' motivation, development of their cognitive interests not only in the particular discipline, but also in the learning process in general.

The creative approach associated with the process of knowledge acquiring requires special content, tools and teaching methods. Here, the problem method of teaching should have a leading role since by it no facts and concepts are directly presented to the students. Instead, the students are expected to act in situations of uncertainty and solve problems without relying on a particular algorithm of actions [8].

Examining the university educational settings as facilitating development of the students' creative potential should also focus on the barriers which this development might face.

S. Smirnov points out two groups of factors which have an adverse effect onto creativity development: *situational and personal*. To the group of the situational

factors he classifies such factors as time constraints, state of stress, increased anxiety, desire to find a solution quickly, too strong or too weak motivation; attitude for using a particular decision-making method; lack of confidence in one's own inner strengths resulting from past failures; fear; strict censorship.

The personality factors are determined by the inner, most of all psychological characteristics of the individual such as conformism, lack of confidence in one's own inner strength, over confidence, emotional suppression and persistent dominance of negative emotions; avoidance of risky behavior; dominance of the motivation for avoiding failure rather than the motivation for success; high level of anxiety as a personal trait; strong mechanisms for personal protection [6].

"In fact, writes E. Louca, D. Marouchou, S. Mihai, E. Konis, students have a potential creative level, which is a combination of nature and nurture; this suggests that people have some upper limit of their capability of creativity, but they can work towards achieving the ultimate goal of creativity. Some students do have a more developed sense of creativity, but some others might need to be taught how to be creative. The natural creative person does not have to be always a step ahead of those who have been taught how to be creative; that's why higher education turns to ways which will allow students to develop their creativity, by being original and at the same time useful. Oliver et al. (2006) argued that even creativity was not taught, not considered teachable and not valued in assessment, it is still relevant in defining how the students see themselves" [16, P. 136].

Methodology

In order to determine the level of development of the creative potential in the students to become future teachers, the *Methods for Evaluation of the Individual's Creative Potential* were used [9].

Based on a self-assessment, these methods allow to determine the personal qualities and the frequency of their manifestations characterizing the level of development of the individual's creative potential.

Included are 18 statements. Each participant is expected to evaluate the extent to which each of the statements refers to his/her personality using a 9-point grading scale. On the basis of these statements, evaluated are 18 personal qualities: *purposefulness, heuristics, determination, flexibility, exactingness, vigor, authoritarianism, optimism, practicality, principle, sociability, leadership, innovation, competitiveness, intelligence, revolutionary, reformism.*

Processing of the results received after evaluation of these qualities requires:

1. Determining the maximum possible score. In our case, the highest score is 9 points.
2. Determining the mean scale score: in our case – 4.5 points.
3. Determining the standard deviation /for this purpose the highest score is divided by 4 to give us 2.25 points.
4. Determining the score range for the high, average and low levels
 - **high level** /ref. particular quality/: from 6.75 to 9 points inclusive;
 - **average level** /particular quality/: from 2.25 to 6.75 points inclusive;

– **low level** /particular quality/: from 1 to 2.25 points inclusive;

Processing of the final score takes place by summing up the relevant number of points for all the statements. The total score is used for interpretation of the results obtained. These results are classified in nine levels:

- Very low: 18–39 points
- Low: 40–54 points
- Below average: 55–69 points
- Slightly below the average: 70–84
- Average: 85–99 points
- Slightly above the average: 111–114
- Above average: 115–129
- High: 130–142
- Very high: 143–162

The study involved 33 students from the Master’s programme *Preschool and Primary School Pedagogy* at the Faculty of Education, Trakia University, Stara Zagora, Bulgaria

Results

The results obtained during the empirical study reflecting the level of development of the students’ creative potential are presented on (Diagram 1).

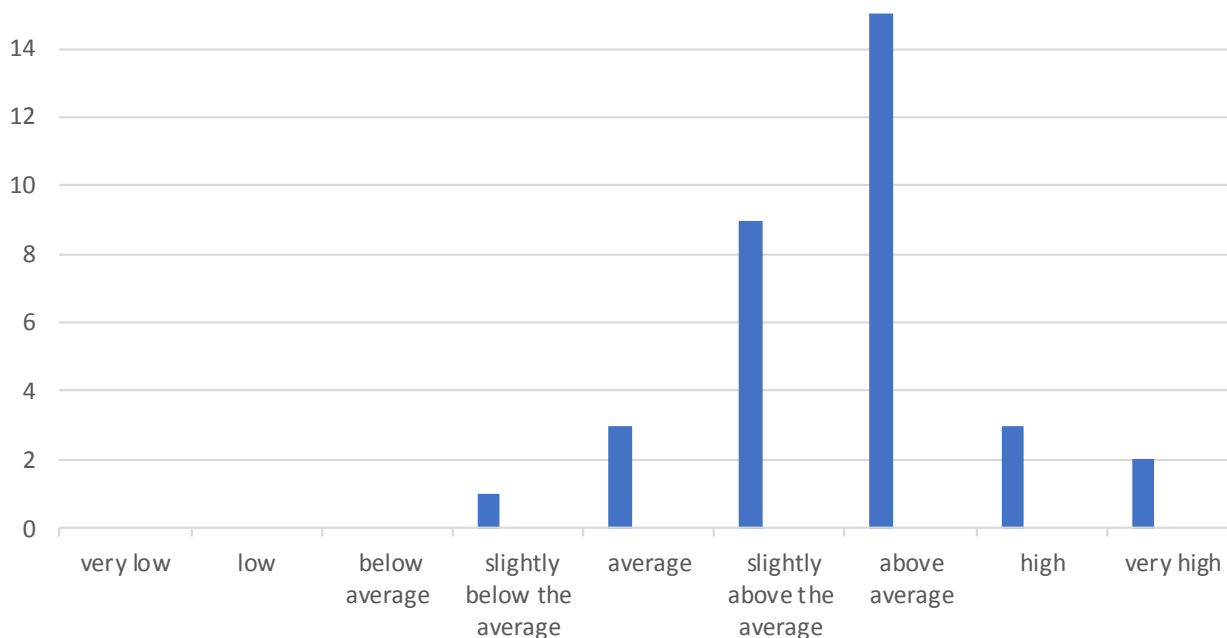

Diagram 1. Distribution of the number of students acc. the level of development of their creative potential

From the diagram it can be seen that the share of the students with creative potential at the very low, low and below average levels is 0%. The share of the students whose creative potential is slightly below average is 3%. Average level is demonstrated by 9%,

and slightly above average: by 27% of the students. The highest is the number of the students /45%/ whose level of development is above average. 9% of the students demonstrate a high level of development of their creative potential, and 6% – very high.

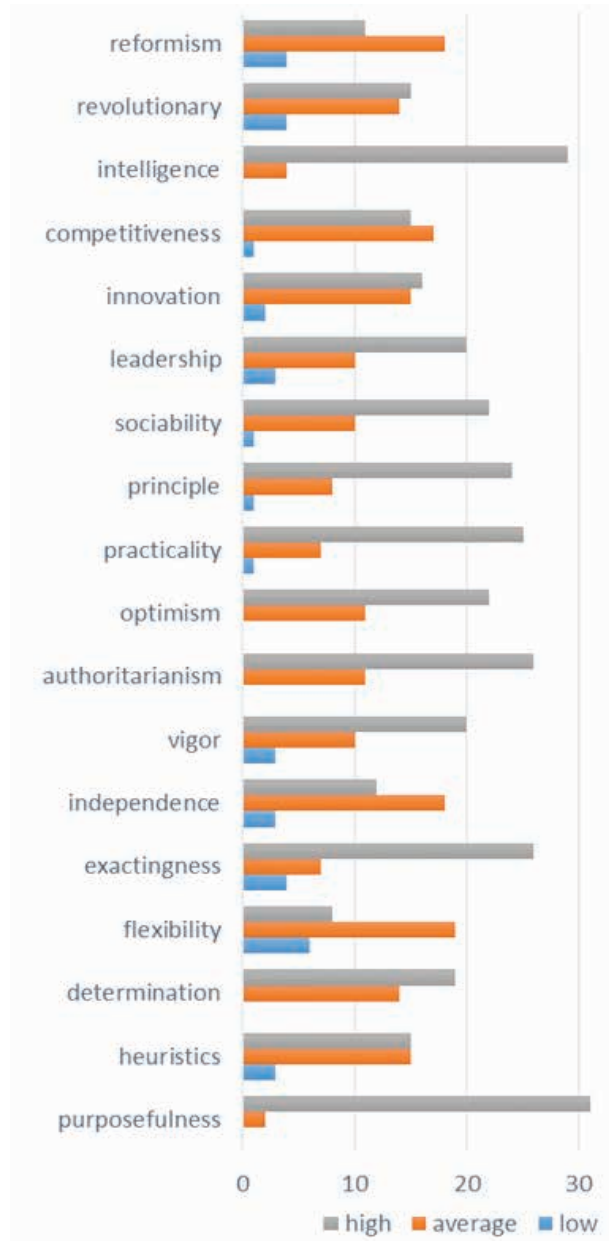

Diagram 2. Distribution of the number of students acc. the level of development of their personal qualities associated with creativity

The results presented on this diagram show that highest number of points is attributed to creativity qualities such as *purposefulness*, *authoritarianism*, *intelligence*, *practicality*, *principle*. Qualities most com-

monly associated with creativity such as *innovation*, *heuristics*, and *reformism* have been evaluated with a lower number of points.

Discussion

Considering the current challenges facing the teacher's profession which at the same time are influencing the quality and the content of the university pedagogical education, steps should be undertaken for the gradual overcoming of the traditional paradigm which is still dominating in the entire educational process and which is associated with patterns of the vocational training from the past. Hence, the contradiction between the new requirements and this paradigm can be successfully overcome also by developing the creative potential of the students – future teachers.

Very often the characteristics of the future career of the Pedagogy students are disregarded. A mandatory requirement for this career is the high level of development of their personal qualities such as *creativity*, *innovation*, and *heuristics* which are an essential part of their creative potential. In this context is the statement of Asya Veleva. She believes that “many teachers do not receive professional training to teach creatively since they are taught mostly subject-specific knowledge but not a general understanding of the concept of creativity” [18, P. 4].

The future teacher should also possess personal and professional qualities closely related with his/her attitude towards the teacher's profession. This solidifies the importance of studying the creative potential of the future teachers.

The results from the experimental study give us grounds to assert that the highest number of the respondents /72%/ demonstrate average and slightly above average level of their creative potential. This can be interpreted as a manifestation of a positive inner demand for creativity as well as an increased emotional need for creativity.

These students stand out as creative-oriented personalities, flexible thinking and an urge to seek the undiscovered and create something new. They have their own opinion, they are able to react quickly and adequately in dynamic situations. When solving non-standard problems, they successfully benefit

from the theoretical knowledge they have acquired, but rarely reach to genuine solutions.

At the same time, however, this result gives grounds for drawing the attention more seriously to finding of and including new forms and tools, focused primarily on development of the creative potential as part of the university training programmes. In this connection, E. Statsenko believes that the effective formation of the students' creative potential should take place considering the following pedagogical requirements:

1. Using the project-problem solving method in which the students take part in a real transforming practice at particular educational institutions;
2. Defining scientific topics of priority around which scientific groups are to be established;
3. Participation of the students in town and regional scientific competitions;
4. Keeping the students informed about the scientific research studies conducted by the university and also about the upcoming scientific conferences [7]. A high level of development of the creative potential is seen in 15% of the students.

This level should be seen as a proof that the students are convinced of the fact that they need to develop their creative potential and feel the need to do so. This on the other hand, suggests that in their future career the students will possess the required knowledge to adequately react to the children's original ideas, they will be able to facilitate effectively the children's pursuit for creativity and last but not least, they will act as generators of creative ideas needed for the upgrading of the pedagogical practice.

It is assumed that these students demonstrate a solid interest in the performance of creative activities. In the common case, their positive motivation for creative activity is not affected by the specifics of the situation requiring it.

In the analysis of the results related to the development of particular creativity qualities in the students, several main points can be highlighted:

Qualities most commonly associated with creativity such as *innovation*, *heuristics*, and *reformism* have received a relatively lower number of points compared to qualities such as *purposefulness*, *authoritarianism*, *intelligence* and *practicality*.

These days, the high level of professional competence requires from the future teacher not only mastering of professional knowledge and habits but also the ability for creative, not-standard thinking which is closely related to the qualities above-listed.

This can be achieved by a transition from informative to active methods and forms of teaching whereas problem elements are incorporated in the students' activity; including game-based approaches for organization of the learning process; organization and interaction between the teacher and the student where the accent is on the student's cognitive activity.

- The creativity quality *authoritarianism* demonstrates a high level of development which can be seen as a possible barrier for the manifestation and development of the individual's creative potential. The reasons for this result can be numerous and various and therefore will be the subject of a further detailed study.
- The creativity quality *purposefulness* has the highest score, which indicates a high level of motivation for the job and is a good basis for further development of the individual's creative potential since the manifestations of creativity almost always are associated also with achieving a particular goal, in this case achieving high academic achievements from the pedagogical interaction in school or in kindergarten.

Conclusion

Nowadays, our society needs creative teachers, able to model the educational and upbringing process in a creative manner, teacher with creative think-

ing, able to generate and implement in their work innovative and effective ideas, which on the other hand would allow them to produce children and students with creative thinking. This results also in increasing the interest towards the problems associated with formation of their creative potential as part of the university educational process.

A main task which the future teacher faces in the process of development of his/her creative potential seems to be finding, manifestation and improvement of his/her creative qualities and their transformation into solid personal characteristics. This requires the design and inclusion into the educational process of models for professional and pedagogical training which would facilitate this development to a maximum degree. As most effective in this regard can be pointed out the problem solving methods and forms of training generating brain-storming sessions.

In addition to the individual's innate qualities, creative potential comprises also from these creativity qualities which can be further developed using the processes of education and upbringing. The creative potential of the future teacher should be formed and developed mostly on the basis of the gained social experience, the knowledge and skills required which would allow him/her to seek, find and apply innovative forms and methods in his/her future career.

The results obtained during the empirical study give us grounds to assert the importance of the need to design and incorporate into the educational process of the future teachers models for development of their creative potential, where these models ensure consistency of this process. The ultimate goal of their implementation is the formation of a creative and research-oriented attitude in the students which gradually will be transformed into a solid personal characteristics.

References:

1. Zhekova St. Psihologiya na uchitelya. – S. 1984.
2. Knyazeva A. Principy razvitiya tvorcheskogo potenciala studentov v usloviyah universitetskogo obrazovaniya. Vestnik VGU Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya. – № 1. 2019.

3. Komarova M. Yu. K voprosu o razvitii tvorcheskogo potenciala studentov vuza // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Psihologiya. 2014.– T. VIII. 2014.– S. 39–44.– S. 40.
4. Ogorodnikova E. I. Tvorcheskaya samorealizaciya lichnosti / E. I. Ogorodnikova // Obrazovanie cherez vsyu zhizn': nepreryvnoe obrazovanie v interesah ustojchivogo razvitiya.– T. 7. 2009.– C. 216–219.
5. Pir'ov G. V"zpitanie za tvorchestvo: Nauch.-popul.oчерk.– Sofiya: Nar.prosveta. 1982.
6. Smirnov S. D. Pedagogika i psihologiya vysshego obrazovaniya: ot deyatel'nosti k lichnosti: Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ped. ucheb. zavedenij.– M.: Akademiya. 2001.– 304 s
7. Stacenko E. Tvorcheskij potencial studenta vuza kak predmet pedagogicheskoy refleksii Povolzhskij pedagogicheskij vestnik.– № 1(10). 2016.
8. Chausova O., Ilyuhina N. Formirovanie tvorcheskogo potenciala studentov-filologov. Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya.– T. 27.– № 1. 2021.– S. 46–50.
9. Sharov A. Sistema cennostnyh orientacii kak psihologicheskij mekhanizm regulyacii zhiznedeyatel'nosti cheloveka: dis. ... dokt. psihol. Nauk – Novosibirsk, 2000.– 383 s.
10. Shcheglova S. N. Teoriya i praktika razvitiya tvorcheskogo potenciala studentov v period vuzovskogo obucheniya // Vestnik Severo-Vostochnogo gosudarstvennogo universiteta.– № 7–2. 2006.– S. 86–92.– 88 c.
11. Barbot B., et al. The generality-specificity of creativity: Exploring the structure of creative potential with EPoC, Learning and Individual Differences. 2016.
12. Berikkhanova A., Zhussupova G., Berikkhanova. Developing creative potential of future teachers: research and results. Procedia – Social and Behavioral Sciences.– 171. 2015.– 1143 p.
13. Ranjan A. & Gabora L. Creative ideas for actualizing student potential. In (H. Snyder, M. Gregerson, & J. Kaufman, Eds.) Teaching creatively (P. 119–132).– Berlin: Springer. 2012.
14. Karwowski M. Notes on Creative Potential and Its Measurement, Creativity Theories – Research – Applications.– Vol. 2.– Issue 1. 2015.– 5 p.
15. Lubart T. F., Zenasni B. Barbot. Creative Potential and its Measurement. International Journal for Talent Development and Creativity – 1(2), December, 2013.– P. 42–43.
16. Louca E., Marouchou D., Mihai S., Konis E. Teaching for Creativity in Universities. Journal of Education and Human Development. December, 2014.– Vol. 3.– No. 4.– P. 131–154.
17. Runco M. Education for Creative Potential, Scandinavian Journal of Educational Research,– 47:3. 2003.– P. 317–324.
18. Veleva A. Pedagogy of creativity. Russe. 2012.– 4 p.

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-21-4-27-31>

*Karabalaeva Gulmira Tashtanovna,
Doctor of Pedagogical Sciences,
Department of Higher Education Pedagogy,
Kyrgyz National University
named after J. Balasagyna Bishkek, Kyrgyzstan
E-mail: gkarabalaeva201@gmail.com*

*Adipova Nurbubu Asanalievna,
Doctor of Pedagogical Sciences,
Department of Higher Education Pedagogy,
Kyrgyz National University
named after J. Balasagyna Bishkek, Kyrgyzstan
E-mail: n-asipova@mail.ru*

*Mamyrova Meerim Ishenbekovna,
Candidate of Pedagogy,
Department of Engineering Pedagogy
Kyrgyz State Technical University
named after I. Razzakova Bishkek, Kyrgyzstan
E-mail: mmi_sofico80@mail.ru*

*Kalibekova Damira Tologonovna,
Senior Lecturer,
Department of Higher Education Pedagogy,
Kyrgyz National University
named after J. Balasagyna Bishkek, Kyrgyzstan
E-mail: nursart@mail.ru*

MODERN TRENDS OF HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION OF THE KYRGYZ REPUBLIC

Abstract. The world system is characterized by the commonality of many processes that occur in different spheres of human activity, in particular, we are talking about modern trends and modernization of higher education in the Kyrgyz Republic, which are influenced by such processes as globalization, internationalization, integration, synchronization, hybridization. The focus is on the current state of the training of PhD doctors in pedagogical areas, taking into account the historical and cultural traditions and socio-pedagogical context, as well as in the light of ensuring the convertibility of post-basic education documents.

Keywords: modernization, globalization, internationalization, integration, synchronization, hybridization, multilevel training, PhD doctoral program.

*Карабалаева Гульмира Таштановна,
Доктор педагогических наук, кафедра педагогики высшей школы
Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына
Бишкек, Кыргызстан
E-mail: karabalaevagulmira@rambler.ru*

*Асипова Нурбубу Асаналиевна,
Доктор педагогических наук, кафедра педагогики высшей школы
Кыргызского национального университета
им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызстан
E-mail: n-asipova@mail.ru*

*Мамырова Мээрим Ишенбековна,
Кандидат педагогических наук, кафедра инженерной педагогики
Кыргызского государственного технического университета
им. И. Раззакова, Бишкек, Кыргызстан
E-mail: mmi_sofico80@mail.ru*

*Калибекова Дамира Тологоновна,
Старший преподаватель, кафедра педагогики высшей школы
Кыргызского национального университета
им. Ж. Баласагына Бишкек, Кыргызстан
E-mail: kalibekova53@mail.ru*

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. Мировая система характеризуется общностью многих процессов, которые происходят в разных сферах человеческой деятельности, в частности речь идет о современных тенденциях и модернизации высшего образования КР на которые влияют такие процессы как глобализация, интернационализация, интеграция, синхронизация, гибридизация. В центре внимания находятся вопросы современного состояния подготовки докторов PhD по педагогическим направлениям с учетом историко-культурных традиций и социально-педагогического контекста, а также в свете обеспечения конвертируемости документов постбазового образования.

Ключевые слова: модернизация, глобализация, интернационализация, интеграция, синхронизация, гибридизация, многоуровневая подготовка кадров, докторская программа Ph D.

Возрастающее внимание к вопросам послевузовского образования и докторским программам PhD в странах СНГ, в том числе в Кыргызстане, обусловлено новыми тенденциями, связанными с углублением рыночных отношений в экономи-

ке, расширением связей с зарубежными партнерами, массовой внешней и внутренней миграцией в постсоветских странах, необходимостью интеграции высшего образования Кыргызской Республики в мировое образовательное пространство.

Для успешной социальной и профессиональной адаптации выпускников вузов КР важно модернизировать систему образования, с тем чтобы она соответствовала мировым тенденциям и способствовала бы экспорту высшего образования КР за пределы республики. Одним из важных условий соответствия указанным тенденциям является реализация программ доктора философии (PhD) по разным научным направлениям, которые широко распространены в зарубежных университетах, но еще не стали реальной формой подготовки научно-педагогических кадров в постсоветском пространстве, кроме Казахстана.

Проблемы многоуровневой подготовки кадров и модернизация высшего профессионального образования на современном этапе были предметом исследования педагогов Кыргызской Республики. В работах Т.А. Абдырахманова, Н.А. Асиповой, И.С. Болджуровой, К.Д. Добаева, Г.Т. Карабалаевой, А.М. Мамытова и др. раскрыты различные аспекты развития системы высшего профессионального образования.

Современная мировая система характеризуется общностью многих процессов, которые происходят в разных сферах человеческой деятельности, в частности речь идет о модернизации высшего образования на которые влияют такие процессы как глобализация, интернационализация, интеграция, синхронизация, гибридизация.

Среди исследований по проблемам развития системы высшего профессионального образования по проблемам глобализация выделены ряд работ, например, А.В. Панибратцев, Д.А. Мещеряков, **В.М. Данильченко**.

Под **глобализацией образования** понимается процесс одновременного расширения сферы образовательных услуг профессионального образования и усиления дифференциации профессионального образования по критериям: специализация, уровень образования, учебное заведение, студенчество. Основным признаком глобализации образования, является то, насколько

ко сильны национальные интересы в глобальном мире. Только благодаря существованию национальных систем высшего образования с их отличительными особенностями может осуществляться процесс интернационализации высшей школы, подразумевающей разработку и реализацию национальных образовательных учебных программ. Этими программами можно обмениваться с другими странами, они будут привлекательны для иностранных студентов, приезжающих учиться в другую страну, а также можно будет производить обмен сотрудниками, организовывать совместные научные исследования, разработки.

В научно-педагогической литературе вопросы **интернационализации** рассматриваются также в довольно широком спектре явлений и процессов. А.Н. Григорьев и Г.В. Коршунов акцентируют внимание на проблеме выстраивания политики экспорта образовательных услуг на мировой образовательный рынок и обучения иностранных студентов в университетах России [1]. А.Н. Джуринский говорит о революционности процесса интернационализации, возрастании в высшем образовании небывалых по масштабам и разнообразию интернациональных связей [2].

Интернационализация на уровне ВУЗа – процесс превращения национального ВУЗа в интернациональный, включение международного аспекта во все компоненты управления университетом с целью повышения качества преподавания и исследований и достижения требуемых компетенций. Интернационализация помогает кыргызстанским университетам гармонично существовать в мировых академических образовательных пространствах, активно в них развиваться и совершенствоваться. В наше время любой стремящийся к качеству и престижу университет обязан иметь в партнерах хотя бы один иностранный вуз и реализовывать совместно с ним исследовательские или образовательные программы.

Проблемы **интеграции** образования рассматриваются в исследованиях В.М. Копрова, Е.В. Са-

пира, где отмечается важность изучения интеграционных процессов в сфере высшего образования для их последующего использования при формировании инновационной среды высшей школы [3].

Говоря об интеграции образования необходимо помнить, что она осуществляется на государственном уровне, при котором у высших учебных заведений появляются дополнительные возможности для сотрудничества – интеграцию высшего образования в единое общемировое пространство, объединенные университеты, объединенные диссертационные советы – все это реализуется государством.

Все это показывает, что произошли внутрисистемные изменения в образовательной системе КР, а обновление кыргызского высшего образования сегодня обретает **гибридные формы** (создание устойчивых состояний или конструкций, предполагающий минимизацию экономических затрат и повышение качества продукта). По мнению В. С. Сенашенко, А. Макаровой, формирование национальных образовательных систем сквозь призму гибридизации связано с модернизацией системы высшего профессионального образования [4].

В настоящее время структура отечественной системы высшего образования представляет собой соединение традиционной (советской) системы образования с элементами британской, германской, американской, а также других образовательных систем, интегрированных в «болонскую» образовательную модель. Характеристики таких гибридных образовательных систем, включают в себя обновленные модели высшей школы, в которых наблюдаются структурные изменения образовательных программ и наблюдается разнообразие новшеств, среди которых можно обнаружить остатки традиционных моделей, модели новаторские и модели смешанные.

Все это требует согласования международной политики в сфере образования, должна быть взаимозависимость и взаимодополняемость национальных образовательных систем, «**синхронизация**

действий, достигаемая на основе регулирования их наднациональными институтами, постепенное перерастание национальными образовательными системами своих государственных рамок и зарождение тенденций к формированию единого образовательного пространства как наиболее эффективной формы реализации задач будущего» [5, С. 42].

В связи с реформированием высшего образования, а также переходом вузов Кыргызской Республики на многоуровневую систему образования, возникают ряд проблем, связанных с совершенствованием послевузовской подготовки кадров высшей квалификации. Для разработки научно-методических путей перехода на новый образовательно-научный уровень подготовки молодого ученого, а именно, на поиск решений путей улучшения качества реализации подготовки докторов философии (PhD) по педагогическим направлениям для КР. На данном этапе исследования социально-педагогического значения докторской программы PhD по педагогическим направлениям в КР необходимо детально изучить организационно-правовые, научно-методические условия и требования для реализации данного академического уровня образования [6].

Образовательные программы по подготовке PhD в вузах КР оказались все еще не реализованными, основную причину этого мы видим в том, что до сих пор мало изученными остаются многие вопросы, связанные с исследованием научно-теоретических основ и методологических различий в подготовке доктора философии (PhD) и доктора по профилю, не разработанностью путей синхронизации существующих образовательных программ в вузах КР, а также отсутствием законодательной базы. Но в уходящем году Правительство Кыргызской Республики утвердило акты, регулирующие вопросы подготовки доктора философии (PhD)/доктора по профилю, при этом сохраняются традиционные ученые степени кандидата и докторов наук и др. законодательные акты, связанные с переходом на подготовку докторов PhD в КР [7].

Необходимость интеграции системы высшего образования в мировое образовательное пространство актуализирует интерес к проблеме подготовки докторов PhD и реализации программ по присуждению академической степени Ph D. Более того, действующее законодательство КР взяло курс на реализацию PhD-программ по разным научным направлениям на основании чего в вузах КР с 2021–2022 уч.г. начнется подготовка третьего уровня – доктора философии (PhD)/доктора по профилю.

Целенаправленное изучение имеющегося опыта, а также научно-теоретических основ подготовки докторов философии (PhD) и присуждению академической степени за рубежом и на постсоветском образовательном пространстве, говорит о том, что данная форма подготовки научно-педагогических кадров имеют свои преимущества и проблемы, которые следует учитывать при разработке и внедрении данного уровня образования. Западная модель образования значительно отличается от образовательных программ ближнего зарубежья, докторантура в европейском научном пространстве предполагает преимущественно исследования, обучение при этом достаточно независимо и гибко.

Следовательно, необходимо создать отечественный аналог подготовки докторов PhD

по направлению «Педагогика», сохранив при этом, насколько это возможно, существующий опыт подготовки научно-педагогических кадров, что отвечает требованиям синхронизации образовательных программ. Важнейшим элементом таких программ должен стать внимательный отбор будущих докторантов Ph D. Для реализации программ PhD нужна не только соответствующая материально-техническая, методологическая и информационная база, но и специально разработанное научно-методическое обеспечение.

Таким образом, модернизация профессионального образования как неотъемлемое условие перехода страны на многоуровневое образование предполагает целый ряд шагов, направленных на изменение цели, задач, структуры и содержания высшего образования с учетом принципов опережающего образования. И в первую очередь это касается подготовки докторов PhD по педагогическим направлениям, которая должна выступать как обязательный компонент профильной подготовки и необходимым условием общей профессиональной компетентности и должна быть осознана и принята научно-педагогической общественностью.

Список литературы:

1. Grigor'ev A. N., Korshunov G. V. Internacionalizaciya obrazovaniya kak napravlenie deyatel'nosti vuza // Vysshee obrazovanie v Rossii, – № 6(202). 2016. – S. 135–141.
2. Dzhurinskij A. N. Sravnitel'noe obrazovanie. Vyzovy XXI veka. – М.: Prometej, 2014. – 328 s.
3. Koprov V. M., Sapir E. V. Integracionnye processy v innovacionnoj srede vysshej shkoly // Integraciya obrazovaniya. – Т. 20. – № 3. 2016. – S. 382–392.
4. Senashenko V. S., Makarova A. A. Obrazovatel'nye gibridy v vysshem obrazovanii Rossii // Vysshee obrazovanie v Rossii. – Т. 27. – No. 8–9. 2018. – S. 24–42.
5. Danil'chenko V. M. Globalizaciya i obrazovanie v HHI veke // Vysshee obrazovanie segodnya. – No. 3. 2004. – S. 44–57.
6. Karabalaeva G. T., Asipova N. A. Problemy i perspektivy podgotovki PHD doktorov v Kyrgyzskoj respublike // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya, 2020. – № 2. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=29666>
7. Postanovlenie Pravitel'stva KR ot 18 sentyabrya 2020 goda № 491. Ob odobrenii Nacional'noj ramki kvalifikacij. URL: <https://www.gov.kg/ru/npa/s/2709>

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-21-4-32-37>

Phung The Tuan,
Ph.D, Vinh Long University
of Technology Education, Vietnam
E-mail: thetuandhspktvl@gmail.com

DEVELOPING SCIENTIFIC RESEARCH OF TECHNICAL LECTURERS IN VIETNAMESE UNIVERSITIES IN THE CURRENT CONTEXT

Abstract. According to the Resolution on comprehensive fundamental innovation in education of the Communist Party of Vietnam, the State and the situation of countries around the world, including Vietnam conducting industrial revolution 4.0, these require Universities need to ensure the quality of training to provide high quality human resources, especially the engineering disciplines. Universities should, therefore, focus on developing the capacity and performance of scientific research of lecturers, particularly technical lecturers to keep up with the changing trends of technical science and technology. This article identifies the tasks, outlines the capacity for scientific research, the state of scientific research of technical lecturers in universities in the context of a comprehensive fundamental innovation in education and Industrial revolution 4.0 and offers some solutions to develop the scientific research capacity of technical teaching staff in universities in Vietnam today.

Keywords: Technical lecturers; Scientific research capacity; University; Industrial Revolution 4.0.

1. Introduction

According to the point of view about the lecturers, especially technical lecturers in the modern context, they are also considered researchers.

In Vietnam, there have been a lot of authors researching activities and capacity on the scientific research of technical teaching staff, including a number of typical authors such as Tran Khanh Duc [3–4]; Nguyen Viet Su (2006) [9]:

Referring to the capacity and proposing solutions to improve scientific research capacity for lecturers in the Vietnamese technical pedagogical system, the author has analyzed generally the scientific research activities and the capacity of the technical lecturers, simultaneously the author has also clearly stated the close relationships between teaching activities and scientific research, the present situation of scientific research activities of lecturers of Vietnamese universities of Technology and Education.

From that, the author has proposed specific solutions to improve the capacity and scientific research activities for lecturers of Vietnamese universities of technology and education. According to researches in some countries around the world, some technical training and retraining programs [1] have put into action research to equip the technical lecturers have scientific research capacity of Applied scientific research and solution-oriented. According to Corey, action research is the process which educational practitioners (lecturers) study their own reality to solve their practical personal problems. Law on Higher Education [7] mentioned: Higher education institutions are stratified and ranked according to the criteria, including *the quality of training and scientific research*.

Analysis shows that lecturers in general, technical lecturers in particular at universities, in addition to teaching tasks, they also have to participate in scientific research activities, which is compulsory in universities.

It shows the very important role of scientific research in association with training, and these two types of activities have a mutual relationship focusing on the realization of the goal of improving the training quality and effectiveness of the training process at universities, especially in the context of comprehensive fundamental innovation in education, industrial revolution 4.0 has changed a lot in the field of social life, in the economic development towards socialism in our country.

2. Research contents

2.1. Scientific research tasks of technical lecturers at Vietnamese universities in the current context

Teaching and scientific research are one of the two basic tasks of the lecturers in general, and the technical lecturers in particular. For each lecturer to successfully complete the teaching task to meet the increasing requirements of social development, it is impossible not to do scientific research. Each lecturer must have the capacity to do scientific research. According to Nguyen Viet Su, “Scientific research capacity of technical lecturers in universities is the ability to conduct scientific research activities regarding identified problems and objectives. Scientific research capacity includes the knowledge, skills and attitudes of the subject in scientific research activities” [8, P. 6].

In the field of technical training, the lecturer must both teach to be human and professions, forming in learners the knowledge, skills, techniques and teach professional ethical qualities to both meet the needs of the socio-economic development, the integration process, especially the development of the industrial revolution 4.0 and create conditions for students to have opportunities to find jobs in today’s technical disciplines, which is forcing each technical lecturer to actively do scientific research to find new knowledge, apply it in lectures to bring learners up-to-date knowledge, the latest information of the industrial revolution to help students apply them into practice effectively after graduating.

In the context of comprehensive fundamental innovation in education, training programs, especially those in the technical disciplines, have the entire cur-

riculum and training content rebuilt. This is aimed at the training program according to output-standards, requiring students after graduating and participating in the labor market to be fully equipped with knowledge, skills, autonomy and self-responsibility and solving problems to meet the requirements of a specific job position in the enterprises. From that reality, the tasks of technical lecturers at universities is to combine scientific research with teaching. Each technical lecturer must be active, proactive, and creative in teaching and researching. They must study, analyze and recognize the factors affecting the training quality such as learners; teaching methods and facilities; training programs and contents of specific technical disciplines; using modern technology equipment ..., this helps lecturers in the technical sector at universities do well their teaching role in creating a high-quality technical workforce for the society, the whole country in general and for each locality in particular.

Scientific research capacity is one of the assigned tasks of technical lecturers. It not only helps teachers solve problems that arise in their teaching activities, but also serves as a positive measure to improve the professional qualifications of technical lecturers. Scientific research activities of technical lecturers in universities are very diverse with many levels, ranging from innovative experiences in pedagogical activities to topics of different scales [2, P. 4].

Teachers’ scientific research capacity is assessed in a number of aspects such as: the ability to comment, analyze other people’s work and draw experiences for themselves; the ability to apply new scientific achievements to teaching; the ability to find out problems that arise in scientific knowledge and in teaching, thereby developing into research topics; bringing scientific research topics into social life; having a need for self-study and self-research.

According to Nguyen Viet Su [8, tr. 10]: The actual capacity of scientific research of technical lecturers is shown in their knowledge, skills, and attitude in implementing topics at schools or cooperation units, namely:

- Knowledge
 - Knowing educational scientific research methods;
 - Knowing to discover problems that need research;
 - Knowing how to build research outline;
 - Knowing how to analyze and select scientific documents for research;
 - Knowing to design the questionnaire;
 - Knowing how to organize pedagogical experiment;
 - Understanding theory of curriculum building;
 - Understanding methodological theory and teaching facilities.
- Skills
 - Writing a detailed outline of the scientific research;
 - Writing the scientific thematic;
 - Writing a summary report of the topic;
 - Organizing seminars and workshops;
 - Conducting the surveys with questionnaires and processing the survey data;
 - Conducting direct interviews at production plants, businesses and services;
 - Writing the subject hypothesis;
 - Creating teaching aids.
- Attitudes
 - Having interest and passion for scientific research;
 - Cooperating with colleagues in scientific research;
 - Being honest and careful in scientific research;
 - Respecting scientific research results of themselves and colleagues;
 - Being conscious to regularly applying scientific research results to teaching.

2.2. Practical requirements on scientific research of technical lecturers at Vietnamese universities in the current context

Currently, the Industrial Revolution 4.0 creates a huge innovation in social and economic life, This

is the challenge of the education sector in training high-quality human resources to meet the needs of the new era. With the development of technical science and technology, the industrial revolution 4.0 has affected a lot of fields in current society, especially the technical disciplines have changed very quickly. The application of the achievements of the industrial revolution 4.0, the automation of many industrial fields has replaced human beings and skill requirements of workers have increased. Then, if the employees do not improve their capacity and skills to quickly adapt to the change in production, they will be excluded from the labor market. Therefore, the training of technical disciplines to keep up with this development speed and to achieve efficiency for the output standards, it is necessary to pay attention to the quality of training. There are many factors that affect the quality of the training process of technical disciplines, but the most crucial factor that determines the training quality of these professions is the quality of technical teaching staff, particularly the qualities of teaching and scientific research are the top tasks.

The industrial revolutions so far and the industrial revolution 4.0 taking place in all countries around the world, including Vietnam, has been the foundation for the development of knowledge economy. It quickly changes the labour content, the economic structure shifts, the labor structure, thereby placing a great demand for high-quality technical scientific human resources which are consistent with the qualification structure and technical profession structure. At the same time, this development has made a strong change in the content and methods of education and training in the education and training system in general and training technical disciplines in particular. It creates new conditions and premise for the development of technical training, such as: constantly adding content and improving the science and technology levels of technical training activities, modernizing teaching equipment, using advanced teaching technologies ...

From the effects of the 4.0 revolution, it is required that the capacity and scientific research activities of technical lecturers at universities must focus on developing to match the research content and put new technology into research activities, simultaneously, technical lecturers of universities must also study the transformations and development of modern technical science and technology brought about by the 4.0 revolution. By doing that, the scientific research activities of technical lecturers can be improved to meet the requirements of training high-quality scientific and technical human resources for the labor market in general and employers that recruit and use this human resource in particular.

2.3. The current situation of scientific research of technical lecturers at Vietnamese universities in the current context

Facing the practical requirements, scientific research activities of lecturers in general and technical lecturers at universities in particular have made progress. Many guiding points of views and policies and mechanisms for developing linking training with scientific research and production and business services to improve the quality of training in technical disciplines have been issued and implemented and there have been positive results.

Many technical lecturers have been aware that training and scientific research are two functions that have an organic, intimate and direct relationship to decide the quality of the training “product”, this brings to the brand for the universities and for prestige of lecturers. In the context that the country is implementing a comprehensive fundamental innovation of education, lecturers have identified that the current education and training is aimed at developing the individual capacity of learners in the trained profession, the content of the training program, especially the training of technical disciplines must have innovation in accordance with the trend of the ages, businesses participating in the process of building and developing training programs in order to meet

the requirements of output standards of the labor market and enterprises. Therefore, they have proactively and actively innovated in training programs, content, and methods for the technical disciplines, simultaneously also enhance the cooperation links in science, science and technology between universities and production units, business and services so that graduates can easily find job opportunities and be able to work.

Besides the efforts of a number of universities and technical lecturers, in fact, some schools are still not enthusiastic in scientific research activities, the links between research – training – production, business and services have not had a close connection, even in some universities, the links have not been formed. In addition, the national policy system for operational development; improvement of scientific research capacity for lecturers and strengthening effective linkages between universities and enterprises are not synchronous, lacking specific conditions and implementation mechanisms. There are no specific policies to encourage and attract partners of enterprises to invest in scientific research for technical sectors in universities or invest in research and application and development of technical science and technology products in universities. Moreover, some technical lecturers are not fully aware of their roles and positions in the current education and training careers, they are not active, proactive to do scientific research, they are content with what they already have, refusing to “renew themselves” in teaching and research, which leads to very limited teaching and research results.

Facing the requirements of reality and stemming from the current situation of scientific research of technical lecturers at Vietnamese universities in the current context, it is necessary to have solutions to develop scientific research capacity for technical lecturers at Vietnamese universities today in order to create high-quality scientific and technical human resources of the country for integration and development.

2.4. Some solutions to develop scientific research capacity for technical lecturers at Vietnamese universities today

First, it is necessary to have mechanisms and policies linking scientific research with training technical disciplines.

It is necessary to have specific policies and mechanisms for scientific research activities in technical disciplines training. It needs to have policies and plans of funding investment to build laboratories, equipment machines and equipment to serve research of technical disciplines at universities. The obligations and responsibilities of technical lecturers who participate in scientific research must be clearly specified. It is necessary to have policies to support and encourage university technical lecturers to participate in research topics at all levels (from school to state level). It needs to have appropriate fostering policies for research topics of technical fields at universities. There should be policies to attract scientists in the technical sector to participate in research and teaching at universities. There should be policies on technology transfer and application of research results to the teaching of technical disciplines at universities. The mechanisms and policies for scientific management from bidding, approval, and management of the research process to completion of research products for technical disciplines at universities must be perfected. It is necessary to implement a policy of contracting mechanism in the supporting and payment of funding for all scientific research activities of technical lecturers at universities.

Second, it is necessary to strengthen the fostering of scientific research capacity for the technical teaching staff at universities.

It is necessary to develop programs and compile documents for fostering scientific research capacity for the technical lecturers at universities. The methods and means of fostering which are suitable for the characteristics of scientific research activities for technical teaching staff at universities need to be determined. Universities need to Plan and determine the appropriate time to foster scientific research capacity for

technical lecturers; built a set of criteria for evaluating scientific research products of technical lecturers; organize seminars to improve scientific research capacity for technical lecturers at universities through scientific seminars and conferences and opening classes on common topics and specific topics for each specific technical sector. There is a need for Encouraging and motivating technical lecturers to write research results through specialized scientific articles, write monographs from research results, write essays for international and domestic scientific conferences, especially prestigious international technical journals.

Third, it is necessary to enhance the management of scientific research activities of technical teaching staff of universities.

In order for scientific research topics of the technical lecturers creating a connection with reality, practicality and feasibility and to improve the quality of research topics and scientific research capacity of technical teaching staff, it is necessary to establish groups to survey the essential needs for research works in specific technical fields in the production reality of enterprises and local research needs in technical training. They need to set up a list of issues to be studied in the training of technical disciplines in each specific period by each level (school, city/province, ministry, state level). It is necessary to have a plan to estimate the overall budget for research projects yearly. Universities need to deploy research results into their teaching activities; implement the remuneration policy; encourage technical teaching staff to participate in research and apply research results to teaching; cooperate with other universities in the higher education system to exchange and share the results and experiences of scientific research projects carried out by the technical lecturers at universities. Simultaneously, there is a need for references, exchange, cooperation with scientific reports through research seminars and conferences, publishing research results via the internet...

The management software of scientific research topics in technical disciplines is used. It is necessary to form a network connecting universities, research

institutes, units under the technical training system on the internet, so that other units, schools, and other training institutions can exploit, use the results of research works in the technical training system.

Fourth, it is necessary to promote cooperation in scientific research development of technical teaching staff at universities with production enterprises, businesses and services.

It is necessary to create favorable conditions for research and training activities in technical fields to supply high-tech and scientific human resources for the units with many economic sectors, creating a science – technology market, setting up favorable environment for the commercialization of research products of universities with manufacturing units, businesses and services. It is also essential to develop science – technology business models and training in universities. It is also necessary to research, apply and encourage enterprises to invest in research and development of high quality scientific technical products; train and foster scientific and technological human resources for production enterprises, businesses and services.

Fifth, in the current country context, each technical lecturer must raise awareness of his position,

role and responsibility in order to improve his own scientific research capacity and dare to engage in difficulties to research, explore and discover new things to better serve the work they undertake.

3. Conclusion

Linking teaching and scientific research activities to improve the training quality in technical branches in universities is a matter of primary concern. Enhancing the scientific research capacity in training process for the technical lecturers of universities will bring a scientific prestige for the technical instructors in particular and affirm brand name for universities in general. At the same time, it affirms the position and the importance of training technical branches of universities in the context of comprehensive fundamental innovation in education and the implementation of the 4.0 industrial revolution of the country today.

R. Roysingh – a UNESCO educational expert affirmed “The quality of an education system cannot exceed the quality of its teachers.” Therefore, the improvement in the self-study and self-research capacities of technical lecturers is an important factor to contribute to the comprehensive fundamental innovation in education of the country.

References:

1. Ministry of Education and Training. Workshop proceedings “Scientific basis and solutions to improve scientific research capacity for lecturers in technical pedagogical system”.– Ha Noi, 2006.– P. 34.
2. Nguyen Dinh Binh. “Pedagogical capacity and evaluating the teacher’s pedagogical capacity” at the Workshop on Evaluation of Teaching and Scientific Research Activities of Lecturers”. Ninh Thuan,– 4 p.
3. Tran Khanh Duc. Education and human resource development in the 21st century. Education Publishing House. 2010.
4. Tran Khanh Duc. Scientific research methodology for education. Publishing House of Hanoi National University. 2011.
5. Dang Thanh Hung. Educational scientific research contributes to linking scientific research with training in the technical pedagogical system. Journal of Educational Science. 2005.
6. The National Assembly of the Socialist Republic of Vietnam. Education Law. Education Publishing House. 2005.
7. The National Assembly of the Socialist Republic of Vietnam. Law on Higher Education. Education Publishing House. 2012.
8. Nguyen Viet Su. Ministerial-level project report: Solutions to improve scientific research capacity for lecturers in Vietnam’s technical pedagogical system.– Ha noi. 2006.

Section 4. Political science

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-21-4-38-43>

Kiselev Alexey,
PhD in Political Sciences, Agency for Academic,
Social and Enlightening Initiatives “Ethnica” NGO (Russia), CEO
E-mail: etno.media@yandex.ru

USING VOYANT TOOLS WITH JAPANESE YOUTUBE COMMENTS

Abstract. The use of Voyant tools for analysis of Japanese text is examined in the article. To get the best result user have to clean data with Stopwords list and switch different visualization tools.

Keywords: digital humanities, Voyant tools, Japanese text, text analysis, You Tube.

Nowadays the development of information and computer technologies allows the use of software algorithms in many areas of life. Text analysis is one of the powerful tools for digital humanities and it allows to identify text surface and deep features, but also serves as important tool for reflecting the social, cultural, and political context of different countries and regions.

Voyant Tools [1] become more and more frequent tool for text analysis for Latin alphabets and currently digital orientalists start to use it with hieroglyphic texts. As an example, we can see Lu Wang’s recent study [2] on using Voyant Tools to analyze Chinese language and now we want to explore the possibilities of using Voyant Tools to analyze texts written in Japanese, and especially, YouTube comments.

We decided to run some texts through Voyant Tools to see what results we would get (Morris, 2021). We selected YouTube channel of Japanese student Shuji [3] studying in Saint Petersburg, Russia which is related to our current research project on “Transnational Cultural Codes in Modern Soft Power System” where we would like to analyze differences and similarities of opinion leaders as well as types and

deepness of cultural influence gained through informational transmitting from opinion leaders. Country image measurement in the project is based on the five-dimensional model [4]. The data for the analysis was parsed by YouTube Data Tools [5] and it contains comments of TOP-10 videos from the channel ranked by views. The total number of comments – 443 (18,634 characters without spaces), this number is enough to demonstrate the possibilities of using Voyant Tools for analyzing Japanese text.

After opening the texts in Voyant Tools we saw that most of the high frequency “terms” that appeared in its Cirrus, TermsBerry, and Summary windows were single hiragana characters rather than parts of the text that we might identify as words, except of the central word written in katakana – *Russia* ロシア. In the case of YouTube comments the most frequent “terms” were *masu* ます, *te* て, *ta* た, *nai* ない, *tte* って, *shita* した as well as the most frequent tag for linefeed setting *br*, which was extracted from YouTube comments.

Seeing this we agreed with Morris [6] that the way Voyant Tools segments Japanese is similar (though not identical) to the way that the Py-

text may outweigh the negatives. Although we must ignore the statistics that Voyant Tools provides on the total number of words, total number of unique word forms, and average words per sentence since, as noted above, the app classifies some lemmas as

words, removing auxiliary verbs and particles can help us to see different patterns within our texts. Users can put Stopwords list in its different tabs (Click “Define options for this tool” and then “Edit list” next to the Stopwords category), (Fig. 3–4).

Figure 3. Finding the Stopwords list

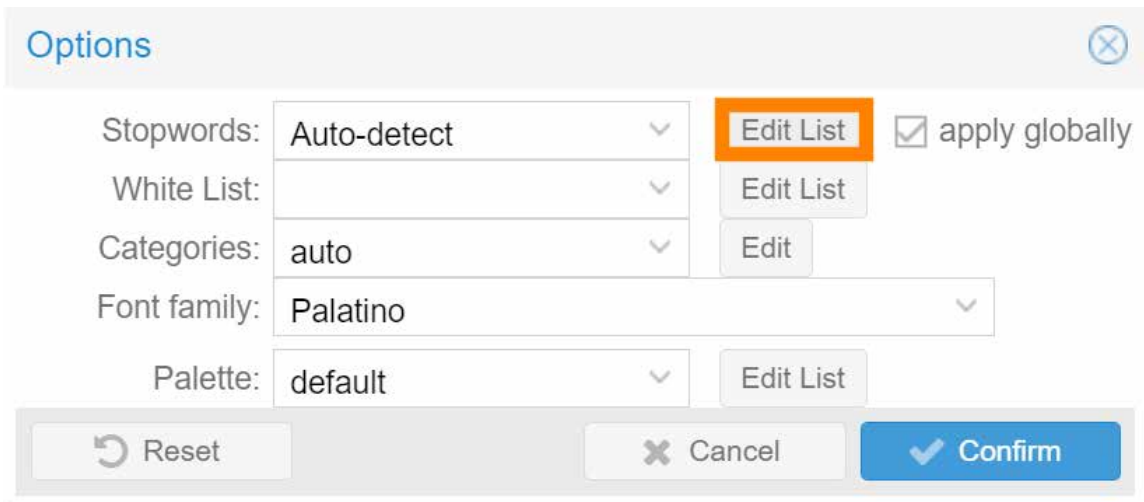

Figure 4. Edit the Stopwords list

Nagasaki provides us with a list of Stopwords [8] that he applied to his sample texts (a collection of

University webpages). We used it in Stopwords lists and noticed an instant improvement in results.

Figure 5. Improvement in the word cloud for YouTube selected channel’s comments dataset

Figure 6. The word cloud for comments` dataset following all preprocessing

This corpus has 1 document with 8,843 total words and 1,908 unique word forms. Created about 2 days ago.

Vocabulary Density: 0.216

Average Words Per Sentence: 48.1

Most frequent words in the corpus: ロシア (180); 人 (128); 日本 (67); ありがとう (50); いい (34)

Figure 7. Details on the text in the Summary tab following all preprocessing

Nevertheless, there was a need to add additional *Stopwords* based on the auxiliary words and particles commonly used in Japanese internet discourse such as *w* and *ww* (smile) *ぬ*, *taru* たる, *tte* (tsute) つて, *tta* (tsuta) つた etc. For extra measure, we included all stand-alone hiragana letters and words such as *br* which does not appear in the text, but within its metadata as a special tag for linefeed setting. In the end of the procedure, we could finally see some patterns in the text. The extended Stoplist is available in

Googly Docs [9] and can be used in addition to the Nagasaki Kiyonori's list.

Looking at the comments' dataset we see the prevalence of words such as Russia (ロシア), Japan (日本), person (人), gratitude words (thank you, ありがとう). Turning to some of the other tools and tabs offered by Voyant Tools such as TermsBerry we notice that the term Russia is usually related to Russian citizens (*hito* 人), language (*go* 語), and girls (*josei* 女性).

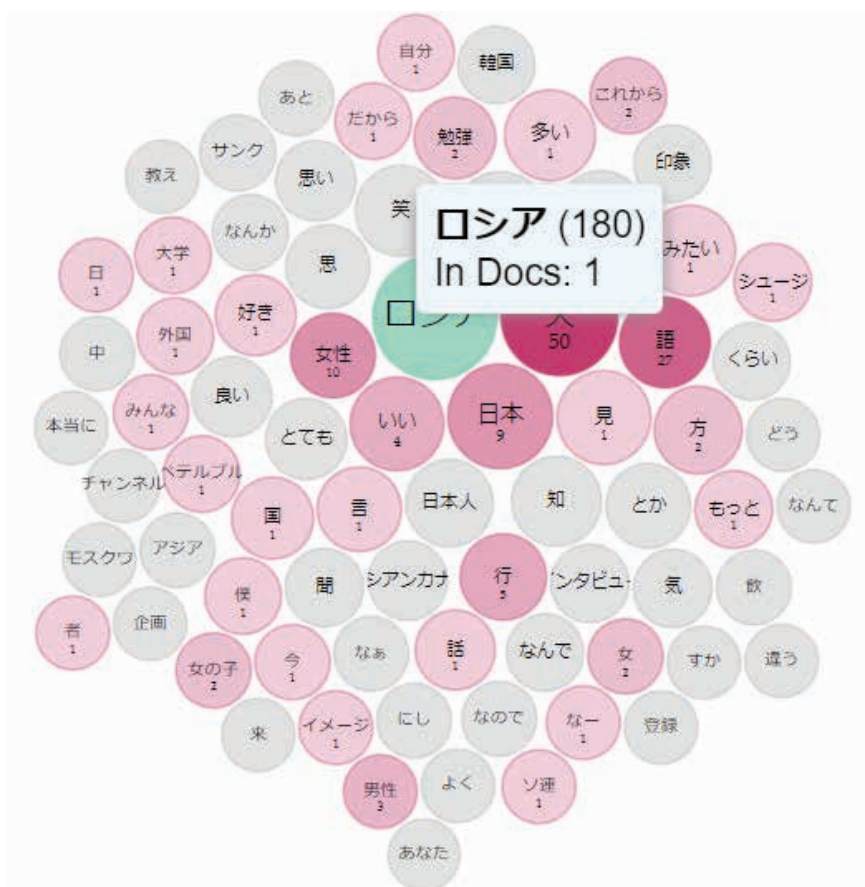

Figure 8. Terms Berry for data visualization

The word “person” 人 has visible connections with girl (女性), man (男性), good (いい), a lot of (多い), I want to see (みたい). Gratitude words (ありがとう) and kanji used for smiling expression (笑) does not have tight meaningful links with other terms, but there is a net of mutually dependent terms like “something” (なんか), “I want to see” (みたい), “impression(s)” (印象), “to like” (好き), “why” (なんで). This block of terms re-

flects questions from viewers to an owner of the channel.

So, Voyant Tools appears to work well for analyzing patterns in the content of Japanese texts so long as the user is willing to do some processing of their data and take in mind that not all tools work well with Japanese. To get the best result user have to clean data with Stopwords list and switch different visualization tools.

References:

1. Sinclair S., Rockwell G. (2012). Voyant Tools (web application), voyant-tools.org
2. Wang L. (2021). Changing Role of Textile Making: Text Analysis of Digitized “Lienü zhuan” with Voyant Tools (Part I). URL: <https://digitalorientalist.com/2021/03/30/the-changing-role-of-textile-making-text-analysis-of-digitized-lienu-zhuan-with-voyant-tools-part-i>
3. Shuji Vlog / ロシアンカナル. Youtube.com/channel/UCc14PS9-MaFCPLz4wklyFTQ
4. Ingenhoff D. A validated 5-Dimensional, country image measurement scale for public diplomacy. Analyzing value drivers and effects of country-images on stakeholders’ behavior in seventeen countries. International Association for Media and Communication Research (IAMCR), International Communication Section, Cartagena, Colombia, 16.-20.07.2017.
5. The Digital Methods Initiative. Tools.digitalmethods.net/netvizz/youtube
6. Morris J. (2021). Using Voyant Tools with Historical Japanese Texts. <https://digitalorientalist.com/2021/06/18/using-voyant-tools-with-historical-japanese-texts>
7. Fugashi-Cython wrapper for MeCab, a Japanese tokenizer and morphological analysis tool. Pypi.org/project/fugashi
8. Nagasaki K. (2016). 簡易テキスト分析に Voyant-Tools もいかがでしょうか? . digitalnagasaki.hatenablog.com/entry/2016/07/30/040123
9. Stoplist Japanese. Voyant Tools. docs.google.com/document/d/1G9-R4DjAapE63UvZc-S0HLnJZaG2bIM3ID26DPEB0pw/edit?usp=sharing

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-21-4-44-49>

*Mladonova Alena Dmitrievna,
PhD student, Department of Political Science,
V.N. Karazin Kharkiv National University,
Kharkiv, Ukraine,
E-mail: alena.mladenowa@ukr.net*

“POST-TRUTH” AS A TOOL OF THE INFORMATION WARFARE IN MODERN UKRAINIAN POLITICS

Abstract. Actual issues of the information sphere of life activity of the Ukrainian society in conditions of politicization of social development, long armed conflict in the East of the country are considered. The term “post-truth” is characterized as a tool of reality distorting in the media sphere and examples of its application in European countries and the United States are given.

The militarization of Ukraine’s information space is emphasized, thus leading to dishonest activities of many Ukrainian politicians and journalists.

Certain topics are taboo for wide discussion and debate in the domestic media, stressing the fact that experienced “masters of post-truth” do not use the world’s generally accepted principles of BBC journalistic work, and formulated in 1928 “Lord Ponsonby’s principles”, which help to create the image of the enemy to maintain the desired ‘degree’ of militancy in the society through mass media and push for information extremism.

Some state and public institutions, which activity is aimed at forming the basic platform of the post truth in the information space of Ukraine, are called.

Some proposals are given for a rapid return of information resources to BBC standards, enabling the Fourth Authority employees to perform their professional duties honestly as it is supposed to be in a democratic society, when there is no need to use post-truth, no forbidden topics, public trust in media, and the truth is the main tool public opinion formation aimed at a positive future.

Keywords: truth, post-truth, media sphere, information warfare.

*Младёнова Алёна Дмитриевна,
аспирантка Кафедры политологии,
Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина,
Харьков, Украина
E-mail: alena.mladenowa@ukr.net*

«ПОСТПРАВДА» КАК ИНСТРУМЕНТ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Аннотация. Рассматриваются актуальные вопросы информационной сферы жизнедеятельности украинского общества в условиях политизации общественного развития, длительного вооруженного конфликта на Востоке страны. Дается характеристика термина «постправда»

как инструмента искажения действительности в медиасфере и даются примеры его применения в странах Европы и Соединенных Штатах. Подчеркивается милитаризация информационного пространства Украины, что приводит к нечестной деятельности многих украинских политиков и журналистов. Выделяются определенные табуированные для широкого обсуждения и дискутирования темы в отечественных СМИ, при этом акцентируется внимание на том, что опытные «мастера постправды» используют не общепринятые в мире принципы журналистской работы в ВВС, а сформулированные в 1928 «принципы лорда Понсонби», которые способствуют созданию образа врага для поддержания нужной «температуры» воинственности в обществе через СМИ и подталкиванию к информационному экстремизму. Называются некоторые государственные и общественные институции, деятельность которых направлена на формирование базовой платформы постправды в информационном пространстве Украины. Даются некоторые предложения для быстрого возвращения информационных ресурсов к стандартам ВВС, что позволило бы работникам «четвертой власти» честно выполнять свой профессиональный долг, как положено в демократическом обществе, когда нет необходимости использовать постправду, нет запретных тем, имеется доверие со стороны общественности к средств массовой информации, а правда является главным инструментом формирования общественного мнения, направленной на позитивное будущее.

Ключевые слова: правда, постправда, медийная сфера, информационная война.

Актуальность заявленной темы обусловлена несколькими факторами: чрезвычайной политизацией общественного развития, повышением значения медийной сферы в формировании общественного мнения и обострения уровня состязательности в электоральных циклах во всех современных странах, и в Украине в частности. В связи с этим, на первый план в информационной борьбе оппонентов выдвигаются такие понятия, как правда (реальный факт) и постправда.

В этом году, а именно тридцатого марта, исполнился своеобразный юбилей – десять лет с того момента, как американский журналист Дэвид Робертс предложил термин «постправда» («post-truth») для определения новой действительности в медиасфере, когда событие становится вторичным и даже необязательным, а на первый план выступает его интерпретация [1, 210]. Это было первой попыткой концептуализации феномена постправды. Параллельно, в том же 2010 году дискуссии вокруг нарушений принципов правды, объективности и толерантности в средствах

массовой информации начал польский клерикальный журналист ксендз Адам Бонецки-Миц, который обратил внимание на то, что искажение фактов и их свободная интерпретация стали нормой, а журналисты и редакторы слишком часто злоупотребляют понятием «свобода слова» для прикрытия искажений [2, 748–756].

Эту же мысль развивает профессор политэкономии Университета Лондона Уильям Дэвис: «Мы вступили в эпоху политики постправды. Поскольку политика становится более соревновательной и в ней доминирует телевизионный перформанс, статус фактов в публичной дискуссии поднимается слишком высоко... Вместо того чтобы оставаться в стороне от политических баталий, факты превратились в один из главных видов риторической оружия... «Факты» больше не несут в себе реальность, их теперь массово производят специальные наемные эксперты и агентства. Если вы действительно хотите найти эксперта, готового поддержать любой факт, и имеете достаточно денег или политический

вес, то вы, скорее всего, сможете это сделать... У людей появляется все больше возможностей выстраивать свое потребление информации вокруг собственных мыслей и собственного мировосприятия, и популистские лидеры их к этому поощряют» [3, 45].

Показательно, что статья профессора Дэвиса увидела свет в тот день, когда Украина праздновала 25-летие Независимости: именно Украине сегодня суждено стать одним из лидеров процесса выработки «постправды» и поощрения потребителей к ее восприятию.

Начиная с 2013 года «постправда» стала нормой для большинства украинских средств массовой информации и для общеполитического дискурса. В значительной степени это объясняется следующими факторами.

Во-первых, уровень политических баталий и частота электоральных кампаний в Украине – не самая высокая в Европе, а возможно, и в мире. К тому же политические кампании (будь то выборы или обсуждение кадровых назначений и продвижения законопроектов) в Украине сопровождается значительными финансовыми вливаниями, что способствует созданию и развитию целой «политической индустрии» или «индустрии политических текстов», в значительной степени основанных на принципах постправды. В этой индустрии занято большое количество политологов, политтехнологов, политконсультантов, политических обозревателей, редакторов изданий и журналистов. Рынок политических услуг четко регламентирован, действует по своим корпоративным правилам, и часто постправда воспринимается как норма или допустимая вещь – особенно тогда, когда она звучит из уст «признанных авторитетов».

Во-вторых, Украина активно перенимает опыт зарубежных стран, особенно США, Великобритании и Германии, где постправда превратилась в обыденное явление еще задолго до того, как появился сам термин «постправда». Примеров

достаточно: от пробирки с якобы иракским бактериологическим оружием, которое публично продемонстрировал госсекретарь США Колин Пауэлл во время выступления в Совете Безопасности ООН в 2003 году, аргументируя необходимость вторжения в Ирак (как выяснилось позже, никаких вредных бактерий в пробирке не было, а все выступление Пауэлла базировалось на блефе) [4, 2005] до инсценированных общественным движением «Белые каски» постановочных фото, которые якобы доказывали применение режимом Башара Асада химического оружия против сирийских оппозиционных сил в 2013–2019 годах [4, 56]. При этом западные страны довольно снисходительно относятся к использованию украинскими средствами массовой информации и политиками фейковых новостей и других элементов постправды: судя по тому, что международные организации типа Freedom House или Reporters sans Frontières в своих ежегодных отчетах ни разу не упрекали Украину в широком применении подобной информации.

В-третьих, для многих украинских политиков и журналистов стерлась грань между журналистикой и пропагандой. Это связано, прежде всего, с милитаризацией информпространства, вызванной войной на Востоке страны, и длительным противостоянием с Российской Федерацией. В 1918 году американский сенатор Хирам Джонсон метко выразился относительно информационных последствий войны: «Первой жертвой войны становится правда» [6, 208]. Как видим, это стало характерной чертой информационной политики в современной Украине, а борьба за «свою» правду различных политических сил стала лейтмотивом в отечественных СМИ. Очень часто продуцируются заранее ложные новости, которые распространяются или с целью «подъема боевого духа», или «для борьбы с российской информационной кампанией». К таким можно отнести «покушение» на Генерального прокурора В. Шокина в 2015 году, «дело В. Новинского»

в 2016 году, инсценировку убийства журналиста Аркадия Бабченко и тому подобное.

Иногда распространение подобных новостей носит характер заказных кампаний. В августе 2017 были запущены две параллельные медиакампании: первая – распространение информации о президенте РФ В. Путине и его двойниках (с параллельным распространением фейковых интервью с бывшей женой В. Путина Людмилой, якобы опубликованном в одном из немецких изданий), вторая – о смерти или смертельной болезни В. Путина – на основе того, что он некоторое время не появлялся на людях. В мае 2017 года издания так же синхронно распространили информацию о смертельной болезни или пристрастии к наркотикам помощника президента РФ Владислава Суркова. Так же к числу заказных кампаний можно отнести попытку высших должностных лиц Украины распространить информацию о подготовке и воплощении в Украине осенью 2016 так называемого плана «Шатун».

Параллельно в Украине негласно сформировался круг тем, которые не подлежат широкому обсуждению и дискутированию и в отношении которых не может быть двух мнений. То есть темы, вынесенные якобы на публичное обсуждение, однозначно трактуются согласно мнению президентской администрации или правительства, а попытки свободных дискуссий могут закончиться даже уголовным преследованием. Среди таких тем являются:

- причины и стороны вооруженного конфликта на Востоке;
- содержание и характер вооруженного конфликта;
- перспективы украинско-российских отношений;
- вопрос статуса Крыма и возможных путей решения крымского кризиса;
- государственное устройство Украины (допустимость федеративного или конфедеративного устройства);

- целесообразность европейской и евроатлантической интеграции Украины;
- преступления добровольческих батальонов в зоне АТО;
- трагедия 2 мая 2014 года в Одессе;
- связь правоохранительных органов с ультранационалистическими структурами и их причастность к резонансным преступлениям в 2014–2019 годах;
- преступления на Майдане в январе-феврале 2014 года;
- причины и причастность иностранных спецслужб к организации Майдана;
- деятельность США и их спецслужб на территории Украины в 2014–2019 годах.

В подходе к большинству из этих вопросов «мастера постправды» используют не общепринятые в мире принципы ВВС (когда нужно подать максимальное количество мнений и не навязывать читателю одну из них), а сформулированные в 1928 году «принципы лорда Понсонби», которые сводятся к нескольким тезисам:

1. «Мы не хотели войны»;
2. Враг воплощается в конкретной личности;
3. Наши действия мотивируются принципами человечности;
4. Действия врага отличаются особой жесткостью и вызывают ужас [8, 128].

Попытки альтернативного взгляда на обозначенные вопросы, которые, несомненно, важны для поиска путей дальнейшего развития Украины, еще недавно наталкивались на сопротивление как со стороны властных структур, так и со стороны так называемого «гражданского общества», «общественных активистов».

По мнению экспертов Фонда «Украинская политика», постправда в Украине может рассматриваться как форма информационного экстремизма. В одном из своих аналитических отчетов (2019) они указывают на основные группы, формирующие базовую платформу постправды в информационном пространстве. К таким они относят:

- Министерство информации Украины (существовало в 2014–2019 годах);
- Службу безопасности Украины во времена генерала Грицака;
- Национальный совет по вопросам телевидения и радиовещания (который превратился де-факто в инструмент жесткой идеологической цензуры);
- Институт национальной памяти;
- ряд общественных организаций, особенно тех, которые получали гранты западных фондов, что позволило им создать единую неформальную информационную сеть;
- ряд телевизионных каналов и интернет-изданий, умышленно формирующих искаженную, одностороннюю информацию;
- сайт «Миротворец», на который заносят имена «неблагонадежных» для современного режима граждан;
- сеть блогеров, которые распространяют заранее ложную заказную информацию на интернет-ресурсах и на ток-шоу [9, 7–8].

При этом отмечается, что аналогичная картина наблюдалась и с противоположной стороны идеологического фронта (так называемая «сурковщина»), когда для распространения «альтернативной правды» использовались:

- телевизионные каналы и ток-шоу с трансляцией в Украине (хотя на самом деле главной их задачей было формирование в сознании россиян неприятия украинского опыта Майдана);
- интернет-каналы и социальные сети (после 2017 года – телеграмм-каналы);
- каналы YouTube;
- агентская сеть в Украине [9, 8].

Стороны активно противостояли друг другу, используя такие методы воздействия, как обструкция, буллинг, попытки маргинализации. Однако возможности первого лагеря были несоизмеримы: на их стороне был государственный аппарат, силовые ведомства, давление со стороны так называемого «гражданского общества» и радика-

лов, гигантские финансовые вливания. Даже попытки создания изданий с независимой позицией, где допускались дискуссии с альтернативной точкой зрения (например, интернет-ресурс «Страна. UA»), подлежали репрессиям и гонениям (против главного редактора упомянутого издания И. Гужвы было сфабриковано уголовное дело [10, 113]). 13 апреля 2017 были проведены обыски в офисе Международного центра перспективных исследований и редакции сайта «Апостроф» – из-за попытки публикации альтернативного плана установления мира на Донбассе и решения Крымского вопроса. Практика использования личных данных граждан и создание атмосферы ненависти вокруг них с помощью сайта «Миротворец» вызвала возмущение ряда международных институтов и правозащитных организаций.

На сегодняшний день можно констатировать, что политика «постправды», хотя и не применяется так же часто и масштабно, как при президентстве Петра Порошенко, все же остается существенным рудиментом прошлой эпохи и, несомненно, подлежит демонтажу. Если Украина хочет добиться настоящего гражданского мира, она должна отказаться от использования узко идеологизированного информационного оружия, формирования образа врага и «промывания мозгов» своим гражданам с помощью откровенной пропаганды, возведенной в ранг Абсолюта. Быстрое возвращение к стандартам ВВС, к объективной и выверенной информации, к свободным дискуссиям, к отсутствию табуированных тем, к представлению четко выверенных фактов будут способствовать быстрому оздоровлению информационной сферы и возврату доверия к СМИ вообще. Украине сейчас нужны процессы в определенной степени аналогичные тем, которые наблюдались в конце 80-х – начале 90-х годов (горбачевская «гласность» и свобода слова на первом этапе независимости Украины).

Итальянский мыслитель, философ и писатель Умберто Эко, который в романе «Пражское клад-

бище» вывел образ Симонини, некоего создателя «постправды» второй половины XIX века, в одном из интервью говорил: «Придумывая Симонини, я взял большое количество различных персонажей. В том числе и многих современников. Во всех странах есть люди, которые придумывают факты и печатают ложь в газетах и журналах. Таким людям ложь кажется вполне нормальной. Здесь вот в чем дело: представление об этичности или неэтичности того или иного поступка есть только у людей с воображением. Только они могут сделать усилие и представить, что от их поступка кому-то может быть боль-

но, плохо. А таким, как Симонини, воображения не хватает. Вот они и дают волю своим естественным наклонностям. Банальным образом» [9].

Проблема Украины в том, что в самое ответственное и судьбоносное время значительная часть информационной сферы оказалась в руках людей без воображения, но со склонностью к патологической лжи. Ключевым вопросом здесь является: кто заказчик лжи, в чью пользу она производится и публикуется, какие существуют методы и какие из них следует ввести, чтобы постправду вернуть на правду.

Список литературы:

1. Roberts D. "Post-Truth Politics", 2010. Grist. URL: <https://grist.org/article/2010-03-30-post-truth-politics>
2. Boniecki M. A. "Parę zasad ważnych na co dzień", Biblia dziennikarstwa. – Kraków: 2010. – P. 748–756.
3. Davies W. "The Age of Post-Truth Politics", The New York Times, 24 August. 2016. URL: <https://www.nytimes.com/2016/08/24/opinion/campaign-stops/the-age-of-post-truth-politics.html>
4. Shrader Martin. Kolin Pauell pokayalsya za Irak. 2005. URL: <https://www.dw.com/ru/kolin-pauell-pokayalsya-za-irak/a-1705313>
5. Kennedy D. White Helmets Left Omran Daqneesh in Pain to Harm Assad, Claims Rev Andrew Ashdown. 2018. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/white-helmets-left-omran-daqneesh-in-pain-to-harm-assad-claims-rev-andrew-ashdown-2hp8bq3fj>
6. Keyes Ralph. Hiram Johnson in U. S. Senate, 1918, quoted in The Quote Verifier: Who Said What, Where, and When. New York: St. Martin's Griffin: 2006. – 228 p.
7. Vlasov Rodion. "OON prizvala nakazat' uchastnikov Revolyucii Dostoinstva: priority Ukrainy mogut izmenit'sya", Nacional'nyj bank novostej. 2020. URL: https://nbnews.com.ua/politika/2020/04/02/oon-prizvala-nakazat-uchastnikov-revoliutsii-dostoinstva-priority-ukrainy-mogut-izmenitsya/?utm_referrer=https://zen.yandex.com
8. Ponsonby A. Falsehood in War-Time. – London. 1928. URL: <http://www.vlib.us/wwi/resources/archives/texts/t050824i/ponsonby.pdf>
9. Proyavi ekstremizmu v Ukraïni (2019). Analitichnij zvit. 2020. – Kiïv: Fond Ukraïns'ka politika: 7–8.
10. Kryukova Svetlana: obvineniya protiv Guzhvy sfabrikovany. 2017. RIA Novosti Ukraina. URL: <https://rian.com.ua/analytics/20170623/1025227727.html>
11. Mil'chin K. "Kto vash vrag? (Interv'yu s Umberto Eko)", Russkij reporter, 21noyabrya, 2011. URL: <http://www.rusrep.ru/article/2011/11/21/eko/> <https://www.liveinternet.ru/community/2281209/post194804297/> (in Russian).

Section 5. Psychology

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-21-4-50-54>

*Bakhronova Komila Yadgorovna,
Bukhara State University, Uzbekistan
E-mail: komilaba338@gmail.com*

FAMILY PSYCHOLOGICAL CORRECTION OF CHILDREN WITH BEHAVIORAL DISORDERS

Abstract. On the basis of practical activities in the psycho-diagnostic, psycho-correction and psycho-prophylactic directions, positive and negative changes in the behavior of each student are identified, such as positive and low intelligence, dominance, restraint, sympathy, trust, calmness, independence, conformism, indecision, rudeness, suspicion, anxiety, subjectivity.

Keywords: adaptation, self-acceptance, acceptance of others, emotional comfort, internality, striving for dominance, socio-psychological factors, family.

*Бахронова Комила Ядгоровна,
Бухарский государственный университет, Узбекистан
E-mail: komilaba338@gmail.com*

СЕМЕЙНАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОРРЕКЦИЯ ДЕТЕЙ С РАССТРОЙСТВАМИ ПОВЕДЕНИЯ

Аннотация. На основе практической деятельности в психодиагностическом, психокоррекционно-психопрофилактическом направлениях выявлены положительные и отрицательные изменения в поведении каждого учащегося, такие как положительный и низкий интеллект, доминирование, сдержанность, симпатия, доверие, спокойствие, независимость, конформизм, нерешительность, грубость, подозрительность, тревожность, субъективность.

Ключевые слова: адаптация, самопринятие, принятие других, эмоциональная комфортность, интернальность, стремление к доминированию, социально-психологических факторов, семья.

*Очень важно знать,
что ты кому-то
нужен!!!*

Проблема семейной психологической коррекции приобретает особое значение в связи с тем, что личность в семье направлена на устранение

нездоровой социально-психологической среды в системе отношений.

Причины возникновения нарушений поведения у детей весьма разнообразны и включают в себя как причины биологического характера, так и влияние экзогенных факторов, в том числе особенностей семейного воспитания. Многочисленными ис-

следованиями зарубежных авторов, включающих близнецовые и семейные исследования, доказано, что нарушения поведения у детей в значительной степени обусловлены генетическими факторами. Среди внешних факторов, влияющих на появление патологии в детском возрасте, рассматривается и роль стресса как пускового механизма заболевания. При проведении ряда исследований, было показано, что в большей степени влияние психотравмирующей ситуации сказывается на возникновении эмоциональных расстройств у детей. В основе влияния стрессовых факторов на появление тревожно-депрессивных расстройств, лежит наследственная предрасположенность индивидуальной чувствительности личности к факторам среды.

Высокая чувствительность детского организма к влиянию внешне средовых факторов, резкое увеличение стрессовых воздействий на детей школьного возраста с одновременным снижением их адаптационных возможностей, изменяющаяся система общего среднего образования приводят к широкому распространению и постоянному росту нарушений поведения в детском возрасте, что в дальнейшем может привести к серьезным последствиям во взрослой жизни: трудностям социальной адаптации, асоциальному поведению и преступности, склонности к алкоголизации. В связи с этим изучение особенностей наруше-

ний эмоционально-поведенческих расстройств у школьников с синкопальными состояниями является чрезвычайно важной и актуальной проблемой в настоящее время, так как поможет выявить не только сами расстройства у данной категории детей, но и своевременно скорректировать их поведение и взаимоотношения с другими людьми, чтобы в будущем у них не возникло трудностей социальной адаптации и дезориентации личности.

Согласно проведенному анализу, после применения определенного уровня психокоррекционной программы, был отмечен ряд положительных результатов в устранении семейных проблем у большинства родителей, выявлены такие действия, как желание проявить сочувствие к ребенку, теплое эмоциональное отношения.

Обнаружено достоверное ($P \leq 0,05$) снижение показателей эмоционального отрицания и инфантилизации типов родительского стиля отношения. И это связано с тем, что положительные изменения в эмоциональном состоянии родителей по отношению к своему ребенку свидетельствуют о том, что в теплых эмоциональных отношениях с ним отчетливо проявляются показатели симпатии и взаимного доверия. Сравнительный анализ стиля родительских отношений до и после проведения курса психокоррекции представлен в (таблице 1).

Таблица 1. – Средне-общие, сравнительно-типичные показатели отношения родителей к детям из нездоровых групп (n1 = 55)

№	Критерии	До коррекции				После коррекции				Промежуточные баллы	
		«а»		«б»		«а»		«б»		«а»	«б»
		N	%	N	%	N	%	N	%	N	%
1.	Принятие – отвержение	20	36,4	35	63,6	32	58,2	23	41,8	24–33	0–8
2.	Социальное одобрение (кооперация)	23	41,8	32	58,2	34	61,8	21	38,2	7–8	1–2
3.	Симбиоз	27	49,1	28	50,9	39	70,9	16	29	6–7	1–2
4.	Авторитарная гиперсоциализация (контроль)	22	40,0	33	60,0	36	65,5	19	31,5	6–7	1–2
5.	Инфантилизация («Отношение к неудачам ребенка»).	16	29,1	39	70,9	32	58,2	23	41,8	7–8	1–2

Представленные данные свидетельствуют о том, что в результате проведенной психокоррекции дети способны добиться применения рационального способа поведения, направленного на разрешение ситуации. Главным образом является мотивация, желание преодолеть конфликты и препятствия. Следовательно, формирование тенденции к адекватному поведению в случае фрустраций у детей с нарушениями поведения также проявлялось в определенной степени.

По оценкам родителей, доля групповых конформных коэффициентов в обеих группах выше показателя после коррекции, чем показатели до коррекции, что свидетельствует о том, что дети с поведенческими нарушениями имеют повышенные адаптационные возможности по отношению к окружающей среде. В то же время достоверные различия ($p < 0,05$) были выявлены в показателях психокоррекции до и после оценки социальной адаптации детей к своему окружению у родите-

лей. По оценкам родителей, в группе детей с нарушенными поведением было установлено, что групповой конформный коэффициент достоверно выше показателя после психокоррекции и до коррекции.

Стоит также отдельно отметить, что в ходе исследования важно определить, насколько эффективны наши программы, связанные с процессом коррекции семьи. Поэтому был проведен определенный корреляционный анализ по диагностике данной эффективности. Было отмечено, что количество продуктивных показателей увеличивалось в экспериментально-испытательном этапе исследования в течение некоторого времени. При фиксации этих результатов была изучена и проанализирована деятельность 50 родителей в соответствии с задачами исследования, как объекта «эксперимент» работы на основе специальных программ, а также общетрадиционная деятельность 51 родителя как объекта «контроля» (табл. 2).

Таблица 2. – Показатели эффективности, связанные с семейной психокоррекцией

Группы	Количество респондентов	Уровень					
		Высокий		Средний		Низкий	
		N	%	N	%	N	%
группа «Эксперимент»							
а) до эксперимента	50	7	14,0	13	26,0	30	60,0
б) после эксперимента	50	20	40,0	20	40,0	10	20,0
группа «Контроль»							
а) до эксперимента	51	8	15,7	16	31,3	27	52,9
б) после эксперимента	51	10	19,6	20	39,2	21	41,2

Анализ полученных эмпирических данных показал, что существует существенная разница между «эксперимент» и «контроль» группами. Следовательно, можно отметить, что показатели «высокого» уровня работоспособности у учащихся «экспериментальной» группы увеличились с 7 до 20 человек, в то время как показатели «низкого» уровня снизились с 30 до 10 человек, причем у респондентов «контрольной» группы разница между такими показате-

лями незначительна. Об этом свидетельствует эффективность разработанной программы психологического подхода, основанной на семейной коррекции.

Полученные данные были проанализированы на основе критерия Стьюдента-Фишера. Следовательно, если мы примем результаты оценки в экспериментальной и контрольной группах, как 1-й и 2-й выборки соответственно, то получим следующий ряд данных. Здесь:

Таблица 3.

1-отбор (группа эксперимент) m=50	X_i n_i	высокий 7	средний 13	низкий 30
2-отбор (группа контроль) n=51	Y_i n_i	высокий 8	средний 16	низкий 27

В свою очередь, заранее указывает на то, что соответствующие средние значения для этих выборок также удовлетворяют условиям $X > Y$. При расчете их по следующей формуле было установлено, что количество положительных показателей в экспериментальной группе выше, чем количество этих показателей в контрольной группе $X > Y$.

$$\bar{X} = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^{n=3} n_i x_i \frac{1}{50} (7 \times 5 + 13 \times 4 + 30 \times 3) = \\ = \frac{1}{50} (35 + 52 + 90) = \frac{177}{50} = 3,54$$

$$\bar{Y} = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^{n=3} n_i x_i \frac{1}{51} (8 \times 5 + 16 \times 4 + 27 \times 3) = \\ = \frac{1}{51} (40 + 64 + 81) = \frac{185}{51} = 3,62$$

Исходя из этих результатов, мы рассматриваем качественные показатели нашей психокоррекционной работы с родителями детей, у которых в ходе исследования наблюдались нарушения поведения. Известный нам $\bar{X} = 3,54$; $\bar{Y} = 3,62$; $\Delta_m = 0,003$; $\Delta_n = 0,003$ равноценно.

Это показатели качества:

$$K_1 = \left(\frac{\bar{X} - \Delta_m}{Y + \Delta_n} \right) = \frac{3,54 - 0,003}{3,62 + 0,003} = \frac{3,537}{3,623} = 0,97 < 1$$

$$K_2 = (\bar{X} - \Delta_m) - (\bar{Y} - \Delta_n) = (3,54 - 0,003) - \\ - (3,62 - 0,003) = 3,537 - 3,617 = -0,08 < 0$$

Из полученных результатов видно, что критерии оценки эффективности психокоррекционных программ, проведенных в ходе исследования, в целом были меньше нуля. Это подтверждает, что сумма всех эмпирических показателей, полученных в экспериментальной группе, была выше, чем сумма показателей в контрольных группах.

Заключение

Данное исследование направлено на определение влияния родительской оценки и отношения

на личностное развитие детей с поведенческими расстройствами, а также на изучение динамики семейных отношений в процессе психологической коррекции семьи и выявления социальных факторов, способствующих успеху семьи. психокоррекция. и по результатам исследования были сделаны следующие общие выводы.

1. Анализ структуры личности детей с нарушениями поведения показал, что по сравнению со здоровыми детьми у них выражена дисгармония. Этот процесс определяется и оценивается определенными социально-психологическими факторами: слабостью эмоционального контроля, высоким уровнем эмоционального возбуждения, высоким уровнем тревожности, выраженным проявлением таких ситуаций, как высокая возбудимость, необычность, ригидность, фрустративность.

2. Анализ структуры личности детей с расстройствами поведения показал, что у них выражена дисгармония по сравнению со здоровыми детьми. В то же время этот процесс определяется и оценивается четким выражением определенных социально-психологических факторов: слабость эмоционально-волевого контроля, высокий уровень эмоциональных переживаний, высокий уровень тревожности, высокая чувствительность, одиночество, ригидность, разочарование.

3. Анализ родительских оценок поведения детей в ситуации определенной степени фрустрации показал, что родители детей с поведенческими расстройствами неадекватно воспринимали своего ребенка в отличие от родителей из здоровой группы детей. Это говорит о том, что стиль инфантильного отторжения является приоритетом для родителей детей с поведенческими расстройствами.

4. Степень психической дезадаптации детей является самомотивирующим фактором изменения дисфункциональных отношений родителей в семейной системе, хотя проявление таких черт, как самоудовлетворенность, тревожность, агрессия, инфантильность, враждебность, высокомерие, агрессия, демонстрируют признаки определенных поведенческих расстройств, еще раз подтверждено наличие специфической динамики.

5. Результаты семейной психокоррекции с детьми и их родителями на экспериментальных площадках показали, что в целом сегодняшние родители понимают своих детей, уважают их индивидуальные психологические способности,

уделяют время детям, поддерживают «симбиоз» их интересов и стремлений, ведущий к уменьшению «мелких неудач» в развитии отношений. В результате у родителей формируется чувство понимания ребенка, правильное восприятие его поведения, совместное исправление в нем недостатков, взгляд на ребенка с уверенностью. Таким образом, необходима уделить особое внимание социально-психологической грамотности родителей, наличие социально-психологической дисбалансов в понимании их детей приводит к возникновению конфликта между ребенком и родителем. Эти конфликты приводят к формированию поведенческих нарушений ребенка.

Список литературы:

1. Vygotskij L. S. Dinamika i struktura lichnosti podrostka: Hrestomatiya po vozrastnoj i pedagogicheskoj psihologii. – М: Mezhdunarodnaya pedagogicheskaya akademiya, 1994. – S. 211–215.
2. Varga A. L. Sistemnaya semejnaya psihoterapiya. Kratkij sekcionnyj kurs. SPb: Rech', 2001. – 144 s.
3. Rubinshtejn S. L. Bytie i soznanie. – М.: Nauka, 1957. – 216 s.
4. Mamajchuk I. I. Psihologicheskaya pomoshch' detyam s problemami v razvitii. – SPB Rech', 2001. – 220 s.
5. Andreeva G. M. Social'naya psihologiya. – М.: Aspekt-press, 2002. – S. 96–113.
6. Bahronova K. Ya. Social'no-psihologicheskie osobennosti povedencheskih rasstrojstv u mladshogo shkol'nogo vozrasta. «Vestnik integrativnoj psihologii» – g. Yaroslavl', 2019. – № 19. – S. 93–96.

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-21-4-55-58>

*Nadon Viktoriia Petrovna,
PhD student, H. S. Skovoroda Kharkiv
national pedagogical university, Ukraine
E-mail: Vik_Tory183@ukr.net*

MOTIVATION TERM CONCEPT AMONG PRIMARY STUDENTS

Abstract. The article is devoted to the study of the problem of primary students' educational motivation. It shows the dynamics, characteristics, primary students' motivation formation; the results of the study of the level of educational motivation of primary schoolchildren are presented.

Keywords: motivation, educational motivation, primary students.

Introduction. The relevance of this study of motivation is due to the change in the content of education, new tasks of the formation of independent teaching methods in younger students. Big problems in the field of education are related to the lack of motives for gaining knowledge, the result of which is a decrease in the education of schoolchildren, the importance of this criterion is obvious. The successful identification of methods of pedagogical influence depends on the teacher's successful identification of the features of educational motivation. Since it is during the period of study in elementary school that educational activity is the leading activity, it is important to create the prerequisites for the formation of educational motivation. By the end of primary school, motivation should be given a certain form, in order to become a student's stable personal feature.

Research method. Projective method "Fairy kingdom" (Fomenko, 2017, 2018). This method makes possible determining the striving for superiority and the striving for excellence among pre-school and primary school students.

Discussion. The Motivation term is used in all areas of psychology that investigate the causes and mechanisms of purposeful human behavior. Since under the influence of not only internal personality factors, but also external ones, a person is encouraged to a certain behavior, then motivation is a very complex process.

Motivation is the result of a multi-step interaction of the inner child's world of a child (the consumption and stimulus) and the situations in which it is good to be able to stimulate and be ready to be active [1, P. 103].

Motivation is a combination, a system of psychologically heterogeneous factors that determine human behavior and activity [2, P. 122].

Thus, it is possible to say that motivation is the process of encouraging a child to engage in activities aimed at achieving the individual and general goals of that child.

It is to regard learning motivation as a defined special type of motivation included in the learning activity. There is a number of factors of learning motivation that is specific to this very activity. It is determined by the educational system itself, by the educational institution where educational activities are taken place; educational process organization; students' subjective characteristics; the teacher's subjective characteristics and, mainly, the system of one's relations to the student and activity; subject specificity [4, P. 89] the motive for getting high marks takes the main place among the diverse learning social motives. Best marks are a way of getting of other rewards, as well as a guarantee of his emotional well-being and a source of pride. The development of educational motivation depends on the assessment; this is on the base that in some

cases difficult experiences and school maladjustment arise.

The self-esteem development also depends on school marks. Children, being guided by the teacher's assessment, regard themselves and their classmates be A, B, C or F students, endowing representatives of each group with a set of appropriate qualities. Primary school academic performance assessment is not only an assessment of the individual as a whole but also determines the school student's social status [5, P. 187].

The I-must motive dominates above I-want motive at this very age and is a significant achievement in the development of the child's personality. Primary school opens to the student some new achievements and declares learning as a new field of human. In primary school, a child learns special psychophysical and mental actions that must cooperate with writing, maths, reading, PE, drawing, manual labor and other types of educational activities [6, P. 17]. The student continues to develop reflection on himself and others in the relationships with adults and with classmates.

During the learning activity the child experiences one's will to achieve educational goals.

In achieving success or failing, one experiences accompanying formations as a sense of superiority over others or envy. The identifying with others developing ability helps to relieve the pressure of negative formations and pass to accepted positive communicative forms [7, P. 253].

Each student has one's own particularity, including in the motivational sphere.

The learning motives ways formation should be determined taking into account the initial level of educational motivation of each student and one's individual characteristics.

Correctional work is the teacher's activity aimed at eliminating the cause that led to a low level of motivation. The identifying weak links is a starting correctional point. Since these skills include both general and specific knowledge and skills, both of these should be checked. It is necessary to carry out weak links stage-by-stage studying in order to eliminate them.

At the same time, training should be individual, with tasks with an entertaining plot. The inclusion of the teacher in the process of performing actions should take place. In the working process, the teacher should greet the student's success, emphasizes his progress. Nevertheless, the last one should be done very carefully [8, P. 103]. School must bring joy to the child. This requires not only a humane attitude towards children, but also concern for the success of educational activities.

The teacher's main task is to "open the child's heart", to awaken in one the desire to assimilate new material, to learn how to work with it [10].

The collective research given below took place in a group of primary students of the 3d form of the school on previously developed technologies published in works Projective method "Fairy kingdom" (Fomenko, 2017, 2018).

Results. According to our data, students of the primary school are characterized by the motives of striving for superiority and striving for perfection during educational activities. It is interesting for them to participate in the educational process, discussing the proposed topics, as well as applying new knowledge. They have a sense of individual and group rivalry as well as struggle.

Number of students with different striving of motives.

Diagram above demonstrates the number of students with different striving of motives in per cents. According to it 18.1% of primary school students are characterized by a striving for superiority higher than a striving for excellence.

The striving for superiority and the striving for excellence are balanced and expressed in moderation in 17.6% of primary school students.

The number of primary school students whose striving for superiority far exceeds the striving for excellence is 17.1%. 19.6% of schoolchildren in primary classes have a low level of expression of hubristic motives.

Students whose striving for excellence far exceeds the desire for superiority are represented at 27.4%. According to these indicators, it can be concluded that primary school students are dominated

by striving for excellence among 27.4%, interest in educational activities, which is an indicator of their high and productive learning.

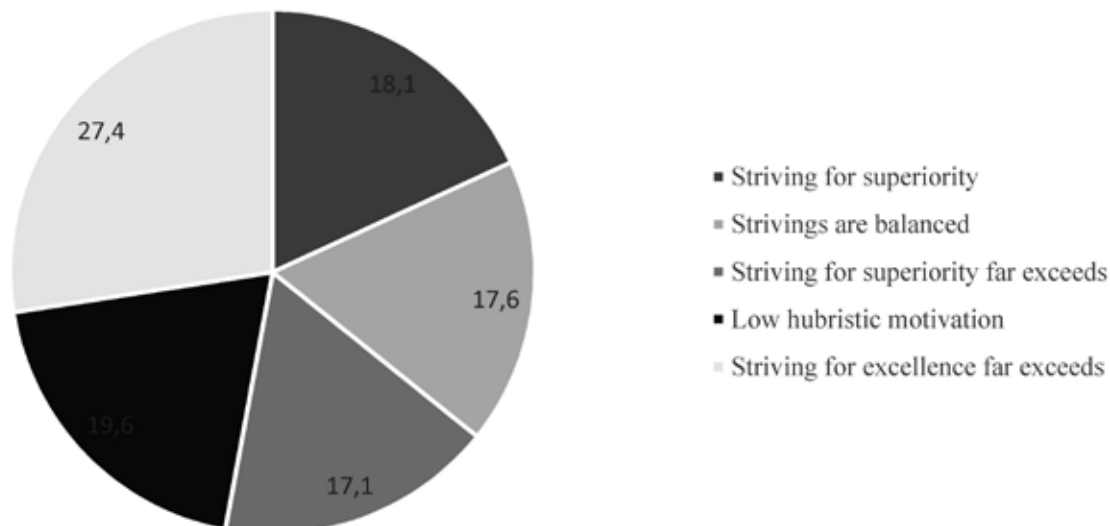

Diagram 1. Students with different motives

It can be said that the striving for superiority predominates among 18.1% of schoolchildren. These students are characterized as those who striving for success in various activities, capable of competition, willing to prove to others that they are capable of much.

Hubristic motives low level expressions are inherent to 19.6% and related to the content of educational activities and the process of its implementation, consisting in the orientation of schoolchildren to the acquisition of new knowledge.

Students are interested in new knowledge and new information, enjoy the process itself.

Students whose striving for superiority far exceeds the striving for excellence that is 17.1% regard

the learning process as a success marker. While both striving for superiority and excellence are balanced among 17.6% of primary school students. It is important for those not only to master new knowledge but also to show an adult how successful they are in order to gain praise.

Conclusion. A striving for superiority is predominant among 18.1% of the sample, however, striving for superiority and the striving for excellence are balanced among 17.6% of primary school students. But striving for superiority far exceeds the striving for excellence, that is, 17.1% of the sample, there for striving for excellence far exceeds the desire for superiority among 27.4% of students.

References:

1. Makarova A. Formation of interest in the learning of schoolchildren / Ed. A. K. Makarova – M., 2012.– 140 p.
2. Aseev V. Motivation of behavior and personality formation / V. Aseev – M., 2010.– 159 p.
3. Bozhovich L. Study of motivation of behavior of children and teenagers / Edited by Bozhovich L. and L. V. Reliable.– M., 2010.– 256 p.
4. Anufriev A., Kostromina S. How to overcome difficulties in teaching children. [Text] / A. F. Anufriev, S. N. Kostromitina – M., 2009.– 234 p.

5. Babaeva E. Study of features of motivation of teaching of modern schoolboys // E. S. Babaeva PFUR Bulletin.– Series: Psychology and pedagogy, 2011.– 210 p.
6. Bushueva L. A. Ways of formation of motivation of training at younger schoolboys [Electronic resource] L. A. Bushueva URL: <http://nsportal.ru/> (Date of the reference 15.01.15).
7. Age and pedagogical psychology: a textbook / ed. Gamezo.– M.: Наука, 2010.– 360 p.
8. Grigorieva M. V. The structure of the motives of learning of primary school children and its role in the process of school adaptation // M. V. Grigorieva / Primary school, 2011.– 156 p.
9. Dyuzheva O. A. Pedagogical conditions for the formation of educational motivation of schoolchildren [Electronic resource] // O. A. Dyuzheva URL: <http://www.dissercat.com/> (Accessed 29.02.15)
10. Podlasy I. P. Pedagogy of primary school: ucheb.dlya students ped. uch-shch and colleges, studying in the group of specialties “Education” / I. P. Podlasy.– M.: Humanitar. ed. VLADOS Center, 2009.– 463 p.
11. Dolgova V. I. Subjects and objects of education in the projection of value and meaning-oriented orientations // V. I. Dolgova – London, 2014.– P. 62–65.
12. Dolgova V. I., Rokitskaya Y. A., Merkulova N. A. Readiness of parents to raise children in a surrogate family. // V. I. Dolgova, Y. A. Rokitskaya, N. A Merkulova – Moscow: Pero Publishing House, 2015.– 180 p.
13. Dolgova V. I., Arkaeva N. I., Captain E. G. Innovative psychological and pedagogical technologies in primary school / monograph. // V. I. Dolgova, N. I. Arkaeva, E. G. Captain – Moscow: Pero Publishing House, 2015.– 200 p.
14. Dolgova V. I., Captain E. G. Correction and development of attention of junior schoolchildren with intellectual disabilities // V. I. Dolgova, E. G. Captain – Chelyabinsk: ATOXO, 2010. – 117 p.

Section 6. Sociology

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-21-4-59-63>

*Zhanat Kelzhanovna Akbalayeva,
International Educational Corporation, Almaty, Kazakhstan
E-mail: akbala_zhanat_kau@mail.ru*

THE “KANDAS KAZAKHS” AND THE ETHNO-DEMOGRAPHIC, CULTURAL AND LANGUAGE TENDENCIES IN THE PROCESS OF THE NATIONAL IDENTIFICATION

Abstract. The present paper focuses on the subject of Kandas Kazakhs’ return to their historical homeland and paces of their integration and adaptation in Kazakhstan. The repatriation of Kazakhs as a way of identifying individuals is the long-term process that is much significant for the state of the national language and culture. The research mainly concerns the nearest to Kazakhstan Central Asian countries republics (Uzbekistan, Mongolia and China), and Russia. The paper data is grounded in interviews of “homecomings”, local authorities and ethnic community leaders. The language material is supported by the everyday life evidence and practice.

Keywords: repatriation, kandases/oralmans(repatriants), returnees, national identity, cultural assimilation, integration, ethnic Kazakhs, native Kazakhs, mono-ethnicity, co-ethnics, interethnic communication, homecomers, cultural polyphony.

Introduction

On May 13, 2020, President Kassym-Jomart Tokayev signed a law on the regulation of migration processes. According to the law, in Kazakhstan they refuse the word “oralman” in relation to the Kazakhs who have returned to their historical homeland in favor of the term “kandas”, which means “tribesman” or “single-blooded”. Repatriates in everyday life use so called self-names – “agaiyndar” (brothers, relatives), “otandastar” (compatriots), “bauyrlastar” (relatives) and other names, for example, “eldester”, which has a rather complicated meaning as “co-civilians”.

“Kandases are ethnic Kazakhs who permanently resided outside of its borders at the time of the acquisition of sovereignty by the Republic of Kazakhstan, and their children of the Kazakh nationality, who ar-

rived in the Republic of Kazakhstan for the purpose of permanent residence in their historical homeland and received appropriate status in the manner prescribed by this law” [1].

In general, the document is aimed at improving migration legislation in such areas as creating favorable conditions for ethnic repatriates and migrants; building an effective system of external labor migration, focused on meeting the needs of the country’s economy, creating a favorable investment climate; expanding the legal framework in the field of regulation of migration processes, taking into account the best international experience and suppression of illegal migration. Current international migration brings adjustments to life as a host community; it influences the states of politics, the relationship

between individual social groups, and also changes the personal characteristics of those who move to other territories in search of a quiet life and a better future. The positive impact of repatriation on the host state is practically not disputed, since immigrants often know the language, traditions of the country of resettlement, have family ties here and, consequently, they adapt quite fully to the society.

The methods of the present studies aimed at researching the mentioned issue from the comparative point of view of the gap. I tried to base my conclusions on the state documents, some scholars' ideas, concepts of local authorities and ethnic community leaders on the question, as well as, ideas of common people – the Kandas Kazakhs. The paper object is to consider the reasons for the repatriation of Kazakhs to their historical homeland, the impact of this process on their national-cultural self-identification in the newly found homeland, as well as, the influence of the repatriation of Kazakhs on enhancing of understanding of national culture and language by the local Kazakhs.

The fundamental reasons of the repatriation process can be observed and clearly understood by the whole process of world migration. The challenges of migratory processes are the most important direction of Central Asian states' policy, as well as, in Kazakhstan. The development of repatriation policies raised the question of who could be subject to the state assistance. Repatriates could be defined either ethnically, as ethnic Kazakhs, or on a territorial basis and would therefore comprise all groups considering Kazakhstan to be their homeland, regardless of ethnicity. Especially, the level of illegal migratory processes has sharply grown by the 1990-s in Kazakhstan. Factors which led to the increase of migrant's flow were: regional instability and armed conflicts in Afghanistan and Tajikistan, military operations in the North Caucasus, and the drug traffic from Afghanistan. According to International Organization for Migration (IOM), by 2004 more than 19 thousand refugees have been registered only in Republic of Kazakhstan. The inter-

national labor migration to Kazakhstan has got generally economic character [3, p. 77]. Five Central Asian states – Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan – are traditionally characterized by the distinction in population.

Country	Population (2020)
Uzbekistan	33,469,203
Kazakhstan	18,776,707
Tajikistan	9,537,645
Kyrgyzstan	6,524,195
Turkmenistan	6,031,200

The current population of Central Asia is 74,921,704 as of Saturday, January 9, 2021, based on the latest United Nations estimates [4].

For the last years Kazakhstan has organized the return of some 70,000 Kazaks from Mongolia, Iran (where they had fled as refugees from the war in Afghanistan) and Turkey. Hundreds of thousands more people have moved between the Central Asian countries, or returned to them from other CIS countries. Extensive internal migration is also taking place, primarily for economic reasons [5].

The Kazakhs living abroad were attracted to Kazakhstan with their strong belief that they would have common national, cultural, language characteristics and therefore could quickly integrate into the existing environment of the country. To the ideas of constructivists, there is no objectively existing ethnicity, ethnicity is not a common “blood” or genetics and not a national character, it is a way of identifying individuals that exists only in the minds of individuals and can easily be changed. Ethnicity is the result of an agreement, it is subjective, not objective, and therefore self-awareness of ethnicity is important, then, as a community calls itself, representing itself as an ethnic community, as it describes its “character”, etc. So, the first reason for the resettlement of people to their historical homeland is the identification of themselves as representatives of the Kazakh ethnos, the self-identification and the idea of uniting them with the earth of ancestors. The second reason

for repatriation of Kazakhs is the closeness of educational institutions, i.e. in China, that turned out to be the change of ideology of the state; in Uzbekistan, it was the reason of transforming to Latin alphabet. And in Kazakhstan both reasons are topical, and besides, the identification of nation, too. So, in order to give opportunities for receiving a good education in their native language and career development the repatriants came to their historical homeland.

In the context of these topical tendencies we aim at considering the process of repatriation of Kazakhs to the republic of Kazakhstan and the role of intercultural education that helped them to adapt and integrate into new social and economic environment. But any modernization can't take place without preserving one's national culture and national code.

The repatriation of Kazakhs took their initial steps since the 1990s and was marked as a vital priority of the migration policy of the Republic of Kazakhstan. The following organizations were developed in Kazakhstan to link and mediate between the groups of repatriants: transnational, for example, the Worldwide Association of the Kazaks, the Worldwide Kurultai and small Kurultai; the councils of oralmans as self-sustaining units; associations of oralmans, created on the initiative of the representatives of the communities. E.g., the republican public association "Asar" began its activity in 1999; it has branches in the regions of Kazakhstan, and is one of the founders of the National Network of Organizations, working in the field of migration. With the support of the Management of the Internal Policy of the Akimat of the city of Almaty under the International General Fund support the center for oralmans "Zhanshyr" was founded in 1991 (website: www.Zhanashyr.com). In 2004, a new public association of oralmans "Atazhurt" was created too. One of the first tasks of these organizations was to create a center for adaptation of migrants in Nur-Sultan (Astana).

Multi-cultural aspect of repatriation can also be mentioned as the most crucial issues of the nation identification of Kazakhs. Living in the cultural space

of Kazakhstan, the repatriates have the perspectives to bring in general changes or to become the bearers of renewed traditions. The "kazakhization" has its direct consequence of an increase in the number of kazakhs and linguistic expansion of the background, since the repatriates are the speakers of Kazakh. In Kazakhstan, the project of repatriation is being carried out to build a unique Kazakhstani culture. Culture should be able to carry in itself the necessary potential to achieve an adaptive effect in new sharply changing conditions.

The Kazakhs from Uzbekistan, especially those who come from the countryside, keep strict to traditional way of life and the rules of organizing of general being within the framework of the neighboring community, and have fewer problems with the Russian language. They follow the rules of the genealogical kindred in social communication and traditions of marriages. Many Kazakhstani higher schools applicants are from Uzbekistan. They usually decide to continue their education in Kazakhstan, mainly, due to the geographic location and more similar conditions of living.

The Russia Kazakhs migrate mainly from the Altai region, they are known as Kosh-Agash Kazakhs. The reasons for their migration, they distinguish Kazakhstan as the motherland of ancestors. They, in contrast to the "native" Kazakhs who live in other regions of Russia, have better preserved the Kazakhs traditions and identity, because they lived for a long time in isolation from other ethnoses of Altai, and were able to preserve many social insights heredity. The Kazakhs of Russia have a weak command of their native language and are not very much religious.

The Kazakhs of Mongolia are very sensitive to their own genetics. The long-term isolation of the Mongolian Kazakhs from the Motherland was reflected in the spiritual culture, its vivid archaic forms. For example, the language has preserved many of the old lexis and phrases that are almost off or rarely used in the spoken language in Kazakhstan, E.g.: тоңазытқыш – холодильник- *fridge*; бөген –

водохранилище-*reservoir*; өктемші – властелин-*lord*; шапқыншы – завоеватель-*conqueror*; бопса – шантаж-*blackmail*, and many other ones, that have been noticed in communication with the Mongolian Kazakhs. In modern Kazakh there function some similar words with Mongolian: Kazakh “бауырсақ”-Mongolian “боорцог” (Boursaq);

Kazakh “алтын” – Mongolian “алт” (gold);

Kazakh “темір”- Mongolian “төмөр” (iron), and so on.

In the area of ritual, festive culture, there is also a conservation of ancient rituals.

The Kazakhs of China also treat and preserve the ancestry of their family as an inescapable history of the birth, since it serves as a guiding thread in history and modern navigation. They observe many Muslim practices, but publicly do not demonstrate their religiousness. For example, they have the following ethical norms of behavior (most of them are Islamized): 1) prohibits eating pork and drinking the blood of slaughtered animals; 2) it is forbidden to eat non-slaughtered animals; 3) in a yurt, you need to sit on the carpet with your legs crossed, and many other ones [5].

Creation of a special form of national self-consciousness needs a single language. Language is one of the most contentious issues in Kazakhstan. The majority of native Kazakhs speak Russian better than their native language. Modern linguistics considers this complexity to be exogloss, unbalanced, or bilingualism. The Russian language in the Soviet era was a necessary condition, and in the independent Kazakhstan, the program of trilingualism – Kazakh, Russian and English has been proposed by N. A. Nazarbayev. Scholars nowadays simply accept it as a fact the existence of Kazakh Russian in Kazakhstan. This language version has passed all meaning grinding and became the part of conceptual-cultural fund that is understood both by Russians and Kazakhs. The trilingual policy of languages accepted in Kazakhtan tends nowadays the inner and homecomers to use two or more languages at time. The mix of languages in everyday speech

complicates the process of ethnic identification of Kanalases. Even every diaspora leaving in Kazakhstan speaks his native language with everyday means of Russian, as in Kazakh: “Қалайсың? Бәрі *нормально* ма?”; “*Чё там, қалайсың?*”; “Шүкір пойдет, өзің ше”? (Colloquial form). The Kazakh and English mix of languages are popular among young local Kazakhs: “*Clutch* сатып алғам. Керемет, *fake* емес. Оригинал!” (Mixture of three languages: English-(*Clutch*)-Kazakh (сатып алғам) – Russian (Оригинал!)).

Besides, the mix of languages practiced by ‘locals’, the distant Kazakhs use different semantic meanings of the Kazakh lexis, say nothing of the fact, that there exist varieties of the Kazakh regional dialects. So, particular, the Kazakh language is spoken more in literary version by repatriants from Mongolia, Iran, China and other foreign countries; and those who came from post-soviet republics speak some changed versions of Kazakh. So, the oral communication in Kazakh, peculiar to the local and the repatriants, except above mentioned cases, is fully understandable. Due to bilingualism, there is an active interaction of the Kazakh and Russian languages. This contributes to the fact that there is an active replenishment of the Russian language by Kazakhisms and vice versa.

Observations of the oral speech of students of the IEC, KAU (International Educational Corporation, Kazakh-American University) in Almaty showed that at present such Kazakhisms as “*mugalim, apai, agai, tenge, dosym, bauyrsak*”, etc. sound in the Russian speech of students. Russian in its turn is replete with borrowings from the English language. Many of them have become normal things. E.g.: “*party, holiday, weekend, finals, term, mid-term, rating, testing, Marshmallow, Cristmas, omela, make-up, money, security, user, gamer, loser, guy, teenager, parents, sister, brother, goodbye, hi, ok, please, sorry, Oh my god!, Go, go..., Let’s go!, Wow!*”, and many others.

Although local Kazakhs and “kandases” have the common language (oral form), religion and other elements of culture, the repatriates do not easily dissolve in Kazakhstani society. The certain

mental differences are obvious and psychological adaptation is identified by psychological satisfaction within the new culture. The social adaptation is presented by the ability to orientate freely in the new culture and society.

Concluding the paper I can summarise that the main reason for repatriation of Kazakhs to their historical homeland was to identify themselves with people of the same nation, culture and language, and they believed that it would be not too difficult to adapt and integrate into new environment. *Kandalases* are a unique socio-cultural product of two worlds – Kazakh- the one, preserved by their ancestors in an in-cultural environment, and the second – the country of living, where they had to assimilate with other ethnic groups, through accepting the elements of their culture. Homecomers to their original birthplace, the ethnic Kazakhs were included in the changing socio-cultural space of the Kazakhstani society. Ethnic and cultural polyphony are the distinguished features of the current Kazakhstan. And, PS, there is one “but” But very.

The President of Kazakhstan Kassym-Zhomart Tokayev signed the law “On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the Republic of Kazakhstan on Land Relations.” This was reported on the Akorda website. The law envisages the introduction of a ban on the possession of agricultural land plots on the basis of the right of private ownership and the right of temporary land use: foreigners, stateless persons, foreign legal entities, legal entities of the Republic of Kazakhstan with foreign participation, international organizations, scientific centers with international participation, *kandas* (“*qandas*”- basing the Kazakh alphabet: **қ-қ**). It is reported that the legislation excluded “the substantive rules of of granting rights to govern the agricultural land” to foreign land users and joint ventures with a share of foreign participation, as well as **kandas**. The bill was initiated by President Tokayev after numerous rallies of the native Kazakhs against the sale of land. That was the result of the Land rally in Almaty of April 24, 2021 [6]. This is another issue for discussion the adaptation of the *kandas* in their genetic motherland.

References:

1. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/termin-oralman-zamenili-na-kandas-v-kazahstane-413101
2. Zhanguttina G. O. *Sovremennyye migratsionnyye protsessy v Kazakhstane: sostoyaniye i tendentsii.* – Avtoreferat diss. kand. ekonom.nauk, – Almaty: 2004.
3. Worldometer (URL: <http://www.Worldometers.info>) URL: <https://www.worldometers.info/world-population/central-asia-population>
4. URL: <https://www.unhcr.org/publications/refugeemag/3b5580864/unhcr-publication-cis-conference-displacement-cis-central-asia-move.html/> UNHCR publication for CIS Conference (Displacement in the CIS) – Central Asia on the move.
5. Kalysh A., Kasymova D. *Repatriatsiya Kazakhstana. Kazakhstan v sisteme transnatsionalnoy migratsii v usloviyakh globalizatsii.* Uchebnoye posobiye Almaty “Kazak universiteti” 2015.
6. Radio Azattyq. 13 may 2021, 09:30.

Contents

Section 1. History and archeology	3
<i>Gaidukevich Leonid Mikhailovich</i> INTERNATIONAL COOPERATION OF BELARUS IN THE SPHERE OF TOURISM IN THE NEWEST PERIOD OF DEVELOPMENT	3
<i>Emirjana Fili</i> STATE FEATURES OF PASHALIC OF IOANNINA	10
Section 2. Literatura	14
<i>Mikhalevich Iryna Alexandrovna</i> THE SPECIFICS OF MODERNIST PROSE OF THE TWENTIETH CENTURY (ON THE EXAMPLE OF THE NOVELS OF S. I. VITKEVICH)	14
Section 3. Pedagogy	18
<i>Stoykov Anton Penchev</i> ABOUT THE CREATIVE POTENTIAL OF THE STUDENTS TO BECOME TEACHERS	18
<i>Karabalaeva Gulmira Tashtanovna, Adipova Nurbubu Asanalievna, Mamyrova Meerim Ishenbekovna, Kalibekova Damira Tologonovna</i> MODERN TRENDS OF HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION OF THE KYRGYZ REPUBLIC	27
<i>Phung The Tuan</i> DEVELOPING SCIENTIFIC RESEARCH OF TECHNICAL LECTURERS IN VIETNAMESE UNIVERSITIES IN THE CURRENT CONTEXT	32
Section 4. Political science	38
<i>Kiselev Alexey</i> USING VOYANT TOOLS WITH JAPANESE YOUTUBE COMMENTS	38
<i>Mladonova Alena Dmitrievna</i> “POST-TRUTH” AS A TOOL OF THE INFORMATION WARFARE IN MODERN UKRAINIAN POLITICS.....	44
Section 5. Psychology	50
<i>Bakhronova Komila Yadgorovna</i> FAMILY PSYCHOLOGICAL CORRECTION OF CHILDREN WITH BEHAVIORAL DISORDERS	50
<i>Nadon Viktoriia Petrovna</i> MOTIVATION TERM CONCEPT AMONG PRIMARY STUDENTS.....	55
Section 6. Sociology	59
<i>Zhanat Kelzhanovna Akbalayeva</i> THE “KANDAS KAZAKHS” AND THE ETHNO-DEMOGRAPHIC, CULTURAL AND LANGUAGE TENDENCIES IN THE PROCESS OF THE NATIONAL IDENTIFICATION	59